

Yerevan++

Эмиль Петросян

Эмиль из Еревана собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как интеллектуалов, так и варваров не остались в неизвестности.

Гинеколог

*-Если я и дальше буду так уменьшаться, -
сказала она про себя, - я могу и вовсе исчезнуть.*

Л. Кэрролл, Приключения Алисы в стране чудес.

riverrun, past Eve and Adam's, from swerve of shore to bend of bay, brings us by a commodius vicus
of recirculation back to Howth and Environs.

Гудело за окном. Шел январь. Мороз патрулировал улицы. Машины скрипели и визжали всеми тормозными возможностями своих механизмов. Тормоза стучали в голове, тормоза скрипели на улицах, тормоза складывались в информационную мозаику вечерних новостей. Сэм стоял возле чая. Чай лежал на столе красный и дымящийся, как затравленный зверь. Отопления не было. На кухне урчала и сопеладохлая пасть печки-буржуйки.

Отопительными процедурами занимался отец. Отопительными процедурами занималась печь. Отец и печь. Как Ленин и печник. Субъекты, проявляющиеся в объекте. Объекты, проявляющиеся в субъекте. Была еще мать. Это были сериалы. Она сопереживала каждому нафуфыренному мудаку из телика, вместе с главными персонажами боролась за любовь и справедливость, собирала вырезки из газет со всевозможными невозможными интервью звезд сериалов. Диапазоны телесентиментальности расширялись, разламывая цельные семейные отношения и вызывая трепет негодования за неудавшуюся тяжелую и тоскливую жизнь.

Дни летели быстро, даты припоминались неясно и нечетко... будни становились новой социальной реальностью и диктовали новые условия адаптации.

В один из таких дней Сэм услышал над собой голос матери.

-Одевайся, сынок, опоздаешь.

Сэм посмотрел на часы – скоро девять.

- Сейчас, только допью чай.

Он допил чай, взял со стола несколько конфет, положил в карман, посмотрелся в зеркало, причесался, надел ботинки и пальто – и вышел. В голове еще гудел плохо рассеивающийся звук телевизора. Уши, плотно прикрытые шапкой, начали чесаться изнутри, нервным зудом.

Остановка обезлюдела еще час назад, или день, или год, а может вообще никто и никогда еще не ступал на эту остановку. Сэму казалось, что кто-то там наверху солил землю снегом, чтобы потом взять и проглотить. Сразу, с одного укуса. "Я в реке!" – сообразил Ежик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны. Яркий свет фар обдал лицо Сэма жидким свечением, которое Сэм поспешил незамедлительно смахнуть с лица. Это подъезжал автобус. Он остановил его рукой. Всосав в себя Сэма, автобус поехал дальше, волоча за собой свое тучное, тяжелое

бесцветное туловище. И словно дождевой червь прорывал себе дорожку в рыхлотеменносырой январской ночи.

В автобусе было три человека. Водитель, друг водителя и какая-то старуха, вся в черном. Все обитатели автобуса сидели, прилипнув к стеклам: водитель и его друг - у лобового, неприятная старуха – у бокового. Это были три мухи. Две жирные и замасленные, и одна иссохшая ведьма у окна. Товарный поезд. Все происходящее Сэм видел и слышал подсознательно, он думал о своем. Семья находилась в крайне сложном положении – отец еле зарабатывал на хлеб, мать не работала. Ему приходилось отдавать семье все свои деньги. Родители совершенно не понимали его. Никто на всем белом свете не понимал его, и ему приходилось строить свою жизнь в одиночестве. Напряжение нарастало с каждым днем. Сэм едва находил силы оказывать сопротивление. Он прекрасно понимал, что стоит этой системе только захотеть – и зомбификации уже не избежать. Все кончится так же быстро, как и начиналось.

Было еще кое-что, что не давало ему покоя. Б е з о т в е т н а я л ю б о в ь. И с чего все люди считают, что достойны счастья? Это была злокачественная любовь.

Она самая злостная сука на свете. Она самая грудастая и жопастая. Она самая нежная и самая грубая. Она начало и конец. Она Тьма и Свет.

Теперь о деле. Ей – хотя это может неважно – 20 лет. И ее туго обтягивающие округлый зад трусики были именно той точкой опоры, на которой держалась его земля. В его иерархии чувств любовь находилась именно на той ступени, до и за которой следует обрыв. Островок надежды. Белое каление интеллекта. Гамма чувств, исключаящая гармонию.

Он пригласил ее на свой день рождения. Она не пришла. Он перестал к ней ходить. Последние три предложения можно переставить в любом другом хронологическом порядке.

Автобус остановился, мысли – вместе с ним, Сэм – вместе с мыслями. Город переливался вечерними огнями. Для всех остальных рабочий день окончен, а для Сэма он только начинается. Еще один бесконечный рабочий день. Люди штабелями укладывались в автобусы, автомобили, метро, трамваи, магазины, улицы. Были еще какие-то дети. Они смотрели на остальных и перенимали навыки выживания. Будущее робототехники. Протезирование чувств. Империя взаимозачетов.

Сэм видел себя среди них, он ощущал их дыхание, их интересы, их беспокойства. Он жил между этих людей. Но не мог с ними слиться. Не мог перемешаться с толпой и раствориться в ней. Ему всегда казалось, что он жил какой-то несанкционированной жизнью.

Я вам еще всем покажуууууууу! – говаривал в таких случаях Сэм, погружаясь еще больше в нарастающий не по дням, а по часам кал среднестатистической жизни.

Вдали показалась знакомая дверь. Сэм обменялся любезностями со швейцаром (дружеский лаконичный мат в один глагол) и прошел внутрь. Здесь он работал.

Бар назывался "Пионер". Во всем мире наверно не нашлось бы и десяти стриптизных заведений с такого рода глупым названием. Но как сложно было сюда попасть (этому месту работы

предшествовало три неоплаченных испытательных срока в разных местах; хорошо, что здесь платят живые деньги)! Он работал в этом чудесном заведении почти месяц.

Несколько месяцев назад Сэм окончил художественный институт. Работу нужно было найти немедленно: родители не имели постоянной работы и перебивались случайными заработками. Он единственный сын и по всем конституциям уже самостоятельный, взрослый человек. С его работой семья вздохнула с облегчением, заработок небольшой, но стабильный, относительная спокойность за завтрашний день. Но что-то дикое мучило его с нарастающей силой, что-то неприятное и болезненное, такое, отчего кровь стынет в жилах. По всей видимости, он ощущал в себе глухую ненависть к родителям за то, что ему приходится ТАК зарабатывать. Во всех случаях, он отчуждался от них, с каждым днем все больше и больше. Он отчуждался необратимо.

"Баксы" - основное горючее, приводящее в движение весь бар. Ими были покрыты столы и стулья, подносы с деликатесами, кошельки и карманы, нижнее белье танцовщиц и лифчики проституток. Голые женские тела. Часто, юные и невероятно красивые. Мягкие и нежные. С детскими глазами и губами. Шелковистыми ногами и сосками. Сцена трещала от напряжений и расслаблений. И полутьма с диареецветными лицами. Сюда приходили всякие. И жирнобрюхие лысосвины в дорогих костюмах и часах, высматривающие себе развлечение на вечер. И семейные пары, скрывающие друг от друга массу тайн, делающих их брак по меньшей мере декоративным. И одинокие молодящиеся кокетки n-ой свежести. И многие другие. Падение советской империи.

Помещение бара блестело и резало глаза фантастическим светом всевозможных спецэффектов. Это здорово расслабляло. Как перед концом света. Вспышки света освещали только улыбки. Одни жалкие улыбки. Все, что от них остается. Они не люди! Настоящие свиньи! Что, не понимаете? Тогда переведу: хрю-хрю-хрюхрюхрюхрю!

Сэм работал светооформителем. Пол почти не освещался, и Сэму всегда казалось, что это "действие" происходит в воздухе, над пропастью, не имеющей дна. Казалось, одно напряжение мысли - и все развалится как карточный домик, и пропадет навсегда, вместе со всеми своими обитателями. Сэм был согласен провалиться вместе с ними. Обстановка в духе Гая Петрония.

Сэму не хотелось думать о смерти. Но так получалось, что ему не удавалось думать ни о чем другом. Возможно, он стал бы бороться за свое счастье, если б не сомневался в его существовании. Неопределенность в таких вопросах ставила под вопрос все остальные определенности. Этого было достаточно, чтобы колебаться по максимальной амплитуде. И его качало. Морская болезнь и все такое.

Почему же люди ищут счастье?.. И те, кто верит в него, и те, кто не верит - все ищут! Эта тема угнетала Сэма не меньше чем причина его появления на свет (он постоянно искал оправдание своему существованию). Что болтовня при свечах или романтические свидания, как ни отрыв от реальности - подмена фактов. Ясно одно - в основе любого равенства лежит неравенство.

Сэм поднялся к себе в рубку. Стекла рубки уже начинали потеть. Парниковый эффект. "Эффект" располагал к раздеванию. Все протекало закономерно и естественно. Он сидел у аппаратуры и давил в людей свет из многочисленных тюбиков прожекторов. Танцевали топless и лохнесс. Свет тусклый и яркий, статичный и вибрирующий, тонкий и толстый. Посетители вымазывались этим

светом как пирожными из черно-белых фильмов. Он был просто наблюдателем. Он ничего не мог. Только свет.

Во время перерыва Сэм достал сигареты и закурил. Его всегда тошнило от выкуренной сигареты. Но он всегда носил с собой сигареты, хотя и редко курил: в основном, их рвал, жевал, нюхал, топтал, сжигал, комкал. К ним у него была особая любовь. Вбежали стриптизерши...

-Следи за ними, Сэм, они шлюхи!

-Но, шеф, мое дело "свет". Пусть деньги собирает кто-нибудь другой.

-Плевал я на "свет" - мне главное "бабки"... С сегодняшнего дня твое дело - свет и бабки.

-Ну знаете, мы так не догова...

-И еще, они часто прячут бабки в пизду; ты понимаешь? Ищи в них.

-В смысле...

-В смысле, включай голову! Не нравится, вали отсюда на хер!

Танцовщицы уже плотно облепили Сэма. Смешки и прелость. Он начал свое "обследование" (раньше он тщетно пытался заставить их присесть).

-Где?

-Сегодня не было!

-Врешь, я видел!

-Пошел ты в жопу!

-А это что! - уже научившись сдерживать омерзение и доставая деньги, кричал Сэм.

"Почему ты такая сука, Сэм?", "Ты же жить нам не даешь!" - самые популярные при обследовании вопросы.

"Ты умеешь гадать по гениталиям?"

"Сначала согрел бы руки"

"Скоро ты по мне время научишься определять"

"Посмотри, я не залетела?"

"Масло проверь и тампон смени"

"Смотри, не упади - не выловим"

В такие моменты Сэм молчал. Ему очень хотелось взять нож и перерезать всех их. Нож лежал рядом, Сэм выполнял свою работу.

И все же они были женщинами. Развязные и вульгарные. А разве есть другие женщины? - думал Сэм. Скромность женщины - это напускное.

Но в глубине души Сэму нравился их вульгаризм. Ведь ему во многом нравилось то, чем он занимался... и с каждым днем все больше и больше. Стоило им уйти, как от бывшего омерзения не оставалось и следа. Какие дикие муки причиняло ему осознание того, что эти «падшие» женщины все равно женщины, и он готов их целовать и любить. Он готов боготворить этих чудовищ!

В такие моменты Сэм часто вспоминал свои паранормальные отношения со своей безответной любовью.

"Сегодня вечером я не могу, я должна заниматься.

Ты должен доказать свою любовь!

Можешь проводить, если уж тебе больше заняться нечем.

Как я выгляжу: платье не слишком короткое?

Наверно, я потолстела.

Не делай больше так!

Не смотря на меня так!

Представляешь наших детей? Я пошутила!

У тебя появилась девушка? Она красивая? Как я?

Мама говорит, что..."

Садистка. Медленное, но верное сведение с ума.

Было время, когда Сэм мечтал стать великим живописцем. Анализируя свое нынешнее положение Сэм вкладывал в последнее слово уже другой смысл. На рисование не хватало времени... Искусства смягчают нравы, но смягченные нравы губят искусство.

Рабочая ночь уже заканчивалась, Сэм собирался домой. Он занес деньги Шефу и вышел на заспанную улицу. Перед баром все еще шла оживленная торговля. Он смотрел себе под ноги и дышал пробирающим внутренности утренним воздухом. Было шесть часов утра.

Он шел и думал. Садился в автобус и думал. Ехал и думал. Сэм постоянно думал, но сейчас - чтобы просто ощущать в себе процесс размышления. Дверь открылась, и Сэм вошел в свою комнату, еле держась от недосыпа и усталости. На столе лежал альбом со студенческими фотографиями, от этого он почувствовал себя еще более одиноким и сплюнул на серое пятно в виде плаката, зияющее на стене.

Лег на диван, не раздеваясь. Сны снились отрывистые, сюжеты куцые, люди страшные. Надо пораньше встать побриться. Темно. Снились также дети. Они показывали на него пальцем и кричали:

-Доктор, доктор!

-Почему доктор? - думал про себя Сэм.

Крики усиливались, становясь приглушеннее.

-А ну пошли отсюда! - кричал на них Сэм.

- Я не доктор! Не доктор!

-Ты доктор! - кричали дети.

Проснуться, надо немедленно проснуться! - дергало по дивану Сэма. Диван скрипнул. Кто-то протянул к нему руку и погладил лоб, затем встал и произнес: «Яприготовилазавтракидипокушай».

"Мама".

Из кухни доносился приятный запах еды. Сэм приоткрыл глаза - опять сумерки. Ему не хотелось вставать. И начинать все сначала. Он посмотрел в окно - шел снег. Еще только январь, - думал Сэм.

Переводчик

Он просто перестал бояться сойти с ума.

Ж. Делез, Ф. Гваттари, Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип.

Он переводит с английского. Книжки, брошюры. Тексты и еще тексты. Много текстов. Мотается за тридевять девятьсот восемьдесят пять земель в Американский Университет за новой книжкой. Чтобы потом, сев в свой старый скрипучий стул, медленно и вдумчиво переводить всю эту хрень. Идти приходится пешком. Но бывает, что и на трамвае, через старый извилистый квартал. Трамвай плетется со скоростью бодро шагающего старичка. Пока конь делает раз-два-три-четыре, ты – раз-два, раз-два. Книжки приходится шлепать разные, большие и маленькие, интересные и бездарные. В зависимости от заказа. А если вещь заказали дефицитную, то это значит наверх, на четвертый этаж, в вычислительный зал, где на каждый десяток желающих покопаться в интернете приходится один задроченный компьютер. Это еще полбеда, а распечатать! То журнал, то газеты, то телевидение (после невыносимо емкого заказа чудом удалось приобрести видеомagneтофон) – тык-тык во все щели, чтобы хоть как-то крутиться и держаться наплаву.

За этим следуют ночи переводов. Звонки друзей в ночные часы и многое другое, отвлекающее. Болтовня ни о чем. Восстановительный процесс. Жратва и телик. Минут по десять на себя после каждого мучительно долгого сеанса транслейта. Тут тебе и редактирование, и другие переводческие тонкости. Тяп-ляп, ляп-тяп, а потом – внимательное вчитывание в дымящееся дерьмо.

У нее косички. Славные детские косички и упругая женская фигура. Параметров хватит на удовлетворение самых серьезных и строгих требований. Короткие расклешенные юбочки и ямочка на подбородке. Предмет обожания местных неформалов.

Он часто рассказывал о ней Питу. Иногда Пит останавливал его и продолжал с этого места и до конца. Вдоль и поперек. Пит был в той же ситуации. Они рассказывали свои истории друг другу в гамлетовских монологах и в сатирических рассказах. Они знали эти истории от и до, и они знали, что ничем хорошим такие истории не заканчиваются. Женщину нельзя очень сильно любить. Никогда.

Ее квартира в самом центре
Окнами в сад.
Она выходит каждый вечер,
Чтобы радовать взгляд.
... Она прекрасный стрелок
За сто шагов в пах.

... Она умеет так немного,
Но в этом дока.
Она так нежна,
Она так стройна,
Она читала все что нужно,
Это наверняка.
Береги свой х...

С ней можно говорить, о чем угодно и как угодно, а главное – где угодно. Хиппованная и склонная горячо полемизировать по поводу субкультуры протеста.

Когда он впервые представил ее Питу, и она как бы невзначай засветила перед ними на лестнице свои бедра, это произвело на обоих неизгладимое впечатление. Бедра в будуаре. Зрелище не для слабонервных. Трое в жопе, не считая собаки. Как и следовало по законам жанра, у нее был роман с женатиком. И Карл часто представлял, как он с этой мадонной Лаурой тайно тарахаются в новенькой вольве женатика, которая ей так нравится.

Она ищет стабильность. Она ищет достаток. "Вульва" последней модели. А как она краснеет, когда ее видят вместе с этим. Как ей льстит, что он старше на 10 лет и такой успешный. Что он уже давно расточил свой член на малолетках вроде нее, но ее он любит больше всех остальных, включая свою жену.

Что может сдвинуть дело с мертвой точки при такой постановке невроза?

Утро. Незамысловатые расчеты денег на пальцах. Повестка дня – перебиться как-нибудь хоть еще одну недельку. Семь разных, независимых, полных неожиданности дней. Если двухразовое питание, то семь на два, четырнадцать приемов пищи. Положительные моменты – большой запас бобов. Газы! Газы! НВП – закрыть глаза, выдохнуть, надеть противогаз. Физиология.

Предоставлен самому себе и не знает, как собой пользоваться. Никакой полезной информации в паспорте, никаких гарантийных сроков и открепительных талонов. Цвет – земельный. Вкус – острый. Погода – сахар. Время – полдень. Настроение – ноль.

Громкие репетиции на полурасстроенном фортепиано в квартире наверху. Музыкальная школа, класс пятый или шестой. Гаммы, фортепианный минимум. Систематическое трахтение при жалких попытках подобрать что-нибудь самостоятельно. Она (а это действительно она, черная страшная девка без намека на разумное) просто издевается. Непреодолимое желание пострелять в потолок – остаться дома – лежать – просто лежать – иногда пободрствовать, но недолго – вспомнить давно забытое, воспотрошить архив – отложить противнейшее подальше – навести порядок – и усмирить свои желания. Управлять временем.

Он начинает вспоминать тот самый день, когда он привел Пита на лекцию в свой Институт Языков. Лекцию по современной американской музыке. Читал американец, которому за неделю до этого Карл передал кассету с записями их группы "Lege Artis". Американец тогда еще представился - John Cheeks и показал на свою щеку, подперев ее языком, допрезентируя фамилию. У Карла сразу возникли пошлые коннотации.

Они пришли за час до. Сэм, давно не видевший такого количества ухоженных бабс, просто охуел. В последнее время Сэму казалось, что красивые женщины вымерли еще прошлой зимой. И его обучение в Инженерном вузе непреложно подтверждало эту догадку. Но теперь women are alive, и это сделали – как, впрочем, и всегда – инязочки.

Царствовала атмосфера полнейшего преклонения перед иносранцами. Несколько потрепанных американов образовывали вокруг себя кружки и стайки разногрудых девиц. Многие из этих чикс принадлежали именно тому типу лиц, которые будто созданы, чтобы в них кончать. Были и побочные эффекты, наподобие менструально поддушенного экстраполяционного поля нарядов.

Карлу иногда было очень обидно, что значительная часть этих шлюхообразных мочалок учится на бесплатном отделении. А он в поте лица зарабатывает гроши, чтобы накопить на плату за обучение. Иначе, помимо всего прочего, его забреют в армию.

Мимо проплыла грудь боинговых размеров. Чудо из чудес. При такой изящности – такааааая машина. Мистика. Но им нужно поговорить с Щечками о музыке, а это об искусстве, это святое, это необходимое. Эта грудь еще долго не вылезала из головы Сэма.

Американец сказал, что музыка очень интересная и попросил оставить кассету Карла себе. А они сказали, что это оригинал, и что если уж ему так понравилось, пусть запишет на свой tape. Американ вернул кассету и вышел вон. Друзья вышли из здания. Иняз пустел, скоро 5 p.m. В городе полным ходом шли приготовления к намеченным на лето празднованиям по случаю 1700-летия принятия христианства в Армении. Кучи туристов и прочей нечисти. Увеличенные миниатюры на рекламных щитах. На каждом шагу кафешки, бары, рестораны, а т.ж. то, что мы называем ночными клубами.

Пит и Карл как обычно прошмыгнулись по букинистическим магазинам, заглянули на вернисаж – и вдруг. Конфеткаподметрвосемьдесятвобтянутыхджинсахитопикенаголуягрудь!

Пит, не думая ни секунды нисколько увязался за ней, Карл за ними. Начинается. Пит подходит к ней, задерживает дыхание, ловит момент между ударами сердца и говорит – Добрый день. Она с отвращением (как будто он негр из Сомали) – I'm married. Гребанная иностранка! Пит, не сразу врубившись, пролепетал что-то типа "I'm Sorry". Карл подхватывает разговор (Why are you so rude?). Они, оказывается, знакомы по Американскому Университету. Она – I hate Armenians! (видно, часто пристают). Что тут скажешь, сексуальные люди – особые люди.

Лето. Она в топике. Сочные дыньки грудей. Пупок. Мякоти. И блядскопритягательный запах духов по всему телу. Все туго колышется. Он стоит рядом. В трех скачках. Она присела. В руках книжка. Ему хочется поскулить, повить, разлаяться – помедлить секунд двадцать и броситься на нее искушать ей весь живот, и чтобы оттаскивали кордоны полиции десятки телекомпаний снимали вздох, и он, весь рот в крови, сумасброд, концептуалист проклятый! Чтобы смех в прямом эфире часа на полтора без рекламы и выпусков новостей, сплошной смех, единственно возможный смех, смех над инвалидностью метафизической свободы, смех над любовью, сводящейся к секундам, обыкновенный затворнический смех.

Возвратимся к своим баранам. Усиленное гудение ветра. Гормоны, застывшие в ожидании. Переговоры не состоялись. Адресат не отвечает. Адресат игнорирует.

-Вам кого?
-Плата за мусор, за март.
-В следующий раз.
-Опять в следующий раз?

Спускается по лестнице. Тяжелый шаг. Весит 105 кг 734,2 г.

Переводные книжки Карла продавались в местном книжном. И он никогда не знал, как спросить у администратора об их продажах.

"Как там насчет книг, продаются?"

"Вы не скажете, сколько..." – слишком длинно.

"Если что-то из моих книг реализовалось, то" – неуверенно. Очень неуверенно. Жалостливее. Слезу дайте. Больше музыки в голосе. Карл - прирожденный нищий.

Он выходит. Сначала АУА (Американский университет Армении). Несколько книг для диссертации. Может, еще предложат что-нибудь перевести. Что это – концерт джазовой музыки. Пенсионерам и студентам скидка. Внимание – тяжесть в желудке. Ясное дело – бобы, черт бы их побрал!

AUA. Library. Скорее прочь от этой мертвечины!

AUA. Toilet. Пара американов курят у окна. Знал же, блин, куда я сунул левомицетин. Рифма в лимфах. Что, им больше покурить негде! Незаметно подходит к окну. Они увлечены своей дебильной беседой. Закуривает для отвода глаз и оставляет на подоконнике очки (мало ли, все-таки оптика!). Не поспевает за кишечником. Выкидывает сигарету и залетает в кабинку. Загаженный унитаз. Апофеоз дерьма. Дерьмо на дерьме. Небоскреб, блин, слоистый. Что делать! Присел, расслабился, пытается разгрузиться. Запор. Жалкие всхлипы задом. И надо же – кряк-кряк. Закрякала. МЧС. Пот в Ниагару. Издергался весь. Инфаркт жопы. Увернуться в стороны чтобы не забрызгаться снизу. Какой-то бокс уже получается. Полковнику никто не пишет. А духан-то какой! А эти, долбоебы, бля, застряли. Какого хрена!

Резко и нагло выходит. Провожают глазами, но он держится. Съели? Знай наших! Блеать, очки забыл! Всегда так – не получается красиво.

Теперь самое главное – в букинистический магазин.

Мелкая дрожь в ногах и трепет в руках. Полки и подставки. Где же моя книга? Он обходит все книжные ряды. Нигде нет, ни одной его книжки! Неужели все продалось! Скорее всего они запихнули ее в самый конец. Что за херня! Если сегодня не получу денег, завтра - уже совсем жрать нечего!

Простите, вам помочь? Взгляд продавщицы ничего не выражает. Мимо, громко стуча, проезжает трамвай.

Встряска

Зачем мне себя вспоминать?

А. Мальро, Антимемуары.

У меня зазвонил телефон.
Кто говорит? Слон?

Питу снились колокола. Сумасшедший набат. Он испугался и выпрыгнул из постели. Телефон все еще звонил. Пит дождался, пока звонок прекратится, и недовольно встал. Включил парижскую радиостанцию. Он слушал ее каждый день, хотя совершенно французским не владеет. Пит представлял, что он в Париже. А это очень важно.

Возникло беспокойное чувство, просуществовавшее всего доли секунд. Чувство материализовалось, свистя кипящим чайником. Пит посмотрел в окно (он смотрел в окно всякий раз, когда не знал, что делать), затем сел за стол и машинально позавтракал. Сегодня экзамен.

В университете броуновское движение. Скачки. Ящик Скиннера. Бритва Оккама. Последний день Помпе...сессии.

Профессор пригласил Пита к заколдованным билетам. Пит вытянул хрень. После недолгого потемнения в глазах – жалкие попытки хоть что-нибудь припомнить по теме. Визуальное воспроизведение нескольких листов из конспекта. Какой-то график, схемы, формулы. Надо выложиться на 100. А не то - ВОЕНКОМАТ. Перед ним исписанный лист бумаги. Нарожал пять предложений и схему в традициях конструктивизма. Связи нет. Нет никакой связи. Нигде – ни в аудитории, ни в профессоре, ни даже в самом конспекте – нет никакой связи со сдаваемым предметом. Пит занервничал. Было тихо. Глухо. Но надо бороться. Надо спастись. Надо попасть в Аспирантуру. Время. Пит посмотрел в окно: окно совершенно белое, как лист бумаги.

В тот день он завалил экзамен. В автобусе ему повстречалась... сладкая юная женская плоть, туго обтянутая в топ и джинсы. Она шла и ее грудь колыхалась, как волны на картине Айвазовского. А в ее заднице свили гнездо миллионы недополученных пубертатных оргазмов.

И был еще другой автобус. Хотя нет, это был день. Или ночь. Или аэропорт. Или окраина города. Или библиотека иностранной литературы. Там Пит должен был встретиться с Карлом. Пит копался в книгах о психологии маркетинга. Карл запаздывал, а на улице шел дождь. Пита сюда задуло непогодой. Маркетинг был необходим для реферата. Но в тот момент он это делал от нечего делать. Одни люди уходили, другие приходили. И тут он напарывается на пронзительный девичий взгляд. Судя по фигуре, вегетарианка, 0 кал. Но кое-что у нее довольно мясное. Даже очень. Зад. Ни. Ца. Говорят, что некрасивых женщин не существует. Вероятно, это означает, что у всех женщин есть ЗАДНИЦА.

Появляется какой-то хрен в джинсовой рубаше. Ориентировочно назовем его ВДР (для неудобства изложения). ВДР стал ее потискивать, она закокетничала, подставляя его рукам все свои прелести. Одни запрещенные приемы. Ниже пояса. Первый раунд Пит выдержал. Во втором она наверняка отправит его в нокаут.

В этот короткий break она повернулась к нему спиной. Чудо из чудес.

Боже мой! – подумал Пит, - Какой живой умомрачительный легкоусваиваемый сексуально-многофункциональный зад! Есть также пышущая здоровьем и потенциальной многодетностью грудь. Мат в два хода. Она душит его своим существованием.

Выдра замечает нескромные расщепляющие атомы взгляды Пита. Угрожающее почесывание бицепса (странный у него бицепс – двухшестичный; тяжелое наследие прежнего режима). Пит выдерживает необходимую язвительную мину и выходит. В конце концов, не все то золото, что свое.

Интересное лицо. Большие глаза и крутые бедра, наверняка строчит ими, как швейной машинкой. Не дают отойти, отдышаться, набраться сил.

ПИТ ПРИЗНАЕТСЯ В ЛЮБВИ К ЕЕ ЗАДУ.

Я подойду к ней и скажу: Я так больше не могу, я схожу с ума, ты должна меня выслушать. Это вопрос жизни и смерти, смерти и бессмертия. Это сложное признание, но прошу тебя выслушай до конца (вот именно, конца!). Вижу победоносный и надменный взгляд. Потом самое главное: Я безумно влюблен в твой зад!

Не могла бы ты дать мне на время напрокат или как тебе угодно это называть благообразно и всенепременно одолжить твой великодушный зад?

Наступает самый прайм-тайм: я налетаю и делаю несколько коротких укусов. Прошу тебя не лишай меня этого к тому же еще и робость в присутствии твоего Зада разве я виноват разве это можно назвать преступлением да я и мухи не обижу не бери в голову вспомни вспомни что-нибудь неважно что только знай знай и помни прости прости проси прощения ты разоблачена отпираться больше нет смысла бесполезно обращаться к услугам международных наблюдателей все предельно ясно это просто так просто знай и помни вспомни все я может быть когда-нибудь тебя прощу.

Пит откинулся от стола, потер покрасневшие глаза и замер. Не было никаких историй. Не было никаких разочарований и сексильных огорчений. Никаких персонажей, никакого экзамена. Никакого действия. Ему снились только колокола.

Gaudeamus

*-По-моему, вы оба не о том спорите, -
вмешался в разговор Недород.*

-Главное, хотим мы есть или же нет.

Т.Гуэрра и Л.Малерба, Истории тысячного года.

Когда-то давно, когда мой энтузиазм еще не замкнулся, я сидел в одном из буфетов за чашкой чая и думал, как можно организовать место для своих музыкальных экспериментов. Передо мной существовал заляпанный кетчупом липкий столик с воткнутой в центр пепельницей. Мочеиновый чай. Карамелька, полученная в каком-то магазине вместо сдачи. Грязные хмурые стекла, за которыми копошатся подвижные насекомые человеческих фигур.

Видимо, здесь мне придется разбить повествование на два синергизирующих эпизода. В качестве увертюры я разыграю ввод нескольких переменных с их количественными и качественными характеристиками.

Переменные:

1. Рокеры (хиппи);
2. Рабизы (гопники).

Все молодое население Еревана условно (а иногда совсем определенно) было разделено. Были люди, которые отращивали волосы, носили бакенбарды и потертые джинсы, кроссовки, майки, рюкзаки, панамки, банданы, бейсболки, шорты, косухи, все это было приправлено всевозможными фенечками и т.д. Стали появляться эйсидные прикиды и пирсинг. Люди, побывавшие в Европе, Америке, или даже в Москве и Питере, - вещали во все горло о новых фишках.

Словом, всех “неформалов” называли рокерами. Рокеры обитали в местах, прямо или косвенно связанных с безделием. Музей Параджанова, Музей Современного Искусства, Центр Современного Экспериментального Искусства (НПАК), Театральная площадь, Театр Пантомимы, вычислительных центрах вузов, Кафе у Консерватории и т.д. Быть рокером в Ереване значило не проявлять никакого интереса к рейтингу во дворе и особенно здоровью. Преследовались жестоко и беспощадно.

Молодежь, олицетворяющая собой все народное (в гнусном значении этого слова), придерживающаяся (скорее, делающая вид, что придерживается) традиций, презирующая все западное, именовалась рабизами (искаженная форма от рабис – работник искусства). Место обитания – всюду (Rabizland).

Раскрепощенные нравы рокеров раздражали не только рабизов, но и нейтралов, составляющих нечто вроде прослойки консервативной интеллигенции.

Жалкие попытки приспособить массы к отрывочно усвоенным установкам битничества, хипстеризма, дзэн-будизма, маоизма, марксизма, экзистенциализма. Бесконечные столкновения на мировоззренческой основе. Места встречи – Дома культуры, Филармония. Место проведения рок-концертов – малый зал одного из крупнейших театров республики, называемый “Глория”. И не только – концерты организовывались по всему городу, начиная с Дома Хорового Общества – и до периферийных Школьных Домов Культуры. Все знали друг друга в лицо. Это напоминало тайные собрания на конспиративных квартирах. Там и сям появлялись граффити – Rock is not dead, Ozzy, Nirvana, Led Zeppelin, Slayer, Yes, Fuck the police, Fuck rabiz, Sex Drugs & Rock’n’Roll и тому подобное.

Раз в год в построенном на зарубежные деньги НПАК’е проводились рок-фестивали. Аббревиатура НПАК в переводе с армянского расшифровывалась как центр современного экспериментального искусства. Обычно экспозиция НПАКа была невозможно унылой. Псевдохудожники выставляли псевдопроизведения искусства для их псевдоценителей. Псевдомузыканты играли псевдомузыку для своих псевдослушателей. Всюду сновали какие-то непонятные девицы с пивом и сигаретой в руках. Я в тоске расхаживался по НПАКу и трялся от негодования и омерзения. Я не укладывался ни в одну из указанных выше прокрустаций. Все эти люди считали продвинутостью следование моде. Люди, не имеющие ни малейшего понятия о бунте против вещей и революции сознания, тащились под монотонную металлическую музыку у меня перед глазами с дебильными лозунгами типа “Долой все(х)!” и с каждой секундой еще больше обнаруживали свою недалекость.

Избегание проблем – самый быстрый путь к рабству. Проблемы надо выявлять и решать. Человек не просто рождается, живет и умирает, а рождается борется и побеждает. Поэтому инфантильные коммуны, исповедующие хипстеризм, – настоящая грязь. Мое знамя – сила мысли. Увидеть неувиденное, познать неопознанное. Вот моя вера! Вот моя религия!

Нас было двое: мы придумывали музыку и записывались в домашних условиях на херовом магнитофоне. Качество записи было ужасным, но в этом был свой шарм – мы делали музыку сырых чувств. Мы постоянно искали новое звучание, новые идеи. Мы не давали концертов. Не афишировали свою деятельность (да и вряд ли она кого-нибудь бы заинтересовала). Мы просто делали свое дело. Иной раз очень хотелось, чтобы услышали, почувствовали, прониклись. Но мы не торопили события. А события не торопили нас.

Это было добровольное затворничество. Легальное подполье. Искусство мы считали слишком важным делом, чтобы мы пытались на нем заработать деньги. Тем более, что деньги за него нам ничто и не предлагал.

Теперь вернемся к самому началу рассказа. Я сижу в кафе. Жду Карла. Намечается репетиция.

Эпизод #1.

В апреле, когда деревья просыпаются, нас пригласили играть в Гуманитарный Колледж. Нам пообещали место для репетиций и кое-какую аппаратуру. Нас немного смутило, что подвальчик, в котором нам предлагают репетировать, расположен рядом с мусоропроводом (летом там будет мушиное царство). Но, недолго думая, мы согласились.

И вот мы идем в спортзал. Она увязалась за нами. Мы шутили и смеялись (у нее от смеха, как у молодой животной особи в период спаривания, мягко подрагивал животик). Я говорил с ней. Она была похожа на вкусно пахнущую копченую (на ней был черноморский загар) колбасу. И мне захотелось ее съесть, но я, приложив невероятные усилия, сдержался. Остальные играли в баскетбол. Или, по крайней мере, делали вид, что играют.

Черный козел с белыми ножками. Рядом триста сорок тысяч пятьсот матов. Я не сдержался и пошел к козлу, чтобы продемонстрировать свою спортивность (которой никогда не обладал).

И вот я побежаааааал. Как в атаку. Разбег. Бурлящая кровь. Морду, Питкин! Раз. Два. Хоп! ААААААААААах! Хрщцщххххрщц! На мне были джинсы в обтяжку - из-под ширинки и до половины зада разорвалась ткань моих дорогуших китайских джинсов. Прореха величиной с тунгусский метеорит. Все хозяйство наружу. Ни нитки, ни иглы.

Опять подрагивания животика. Но на этот раз было такое ощущение, что это от внезапно обуявшего ее оргазма, клопочущими спазмами из глубин живота пробирающегося к ее мозгу.

Правда, у меня была с собой куртка. Можно хоть что-то прикрыть, обвязав за рукава на поясе. Но это уже будет чересчур экстравагантно. Покалечат гопники. Представляю, какой будет цирк, когда я буду убегать от них с разорванным задом. А если не обвязать себя курткой, то куда ее девать – жара ведь невыносимая. Подумают, что псих: получается, что верх утепленный, а низ нараспашку. Комплексы. Жертва сексплуатации. Свинокрасавица потеряла ко мне всякий интерес – на мое барбекю ноль внимания. Ладно, свинку профукали, а как же домой?! До остановки километр. Да еще и от остановки до дома прилично пилить.

Выходим на улицу. Сэм дал мне булавку, которую он носит от сглаза. Я сцепил концы прорехи и осторожно пошел, как Нил Армстронг, еле передвигая ноги. Не, скорее, это даже был робот. Маленький шажок для человека и гигантский шаг для человечества. Я-ро-бот. Постоянный страх за булавку – еще не выдержит. Проходим мимо густонаселенного массива. Куча каких-то мутных пацанов. Похоже, меня раскололи, пялятся во все глаза, как они узнали? по их мордам ничего не поймешь, но зачем они скрывают? почему не показывают, что finita la comedia? а коровка-то позади плетется, и что они так медленно идут, я их наверно на целый км обогнал. Ну почему такие жопы случаются именно со мной!

Я продолжаю лететь на всех парусах. Скорее в автобус!

XX

Ужасная боль! Этот скамбьяк отцепился и вонзился мне в яйца. Адская боль. Робот снижает скорость. Батарейки садятся. Требуется экстренная подзарядка. Скорость снижается до четырех шагов в минуту. Экстренное торможение.

Прохожу мимо дворов – бросаюсь к гаражам. Один из них без двери, недостроен. Кидаюсь туда и начинаю спешно выковыривать булавку. Надо же, так задеть за живое! Вдруг чувствую чей-то взгляд. Вздрагиваю. Пульс – 1000 ударов в секунду. Резко оборачиваюсь – какой-то мальчуган удивленно справляет свою детскую нужду. Конфузия – плохо слышу. Феррариобразно покидаю этот гараж. Теперь (я уже без булавки) хожу, напрягая ягодичы.

Еще шаг – еще – вот. Окунаюсь в автобус. Ищу свободное место – только стоячие места. Стою и маюсь. Следом залетают the ребята. Полные штаны ржаки. Что такое? Цыпа из универа, с которой мы часто перестреливаемся взглядами (одна из королев моего члена). Она здесь, в этом гребоавтобусе. Улыбается (синхронно всеми своими губами). Но мне явно не до – флиртовать с распоротым задом.

Маятникообразно затухающий взгляд. Сходит без прощальных взглядов. Освободилось место – налетаю, сажусь, накидываю на ноги куртку. Спасатели подоспели вовремя: все пострадавшие спасены и перевезены в безопасные для жизни места. Прощаюсь с ребятами и схожу. Вот и дома!

Меняю брюки и к другу: рассказать об этом. Он живет в одном с ним здании. Сажусь, рассказываю, и шестым чувством (которое у меня тоже обоняние) замечаю аромат, исходящий от моих ног. Но после долгого и кропотливого внутреннего принюхивания замечаю, что сюда примешан еще один “букет” – его. Он это тоже замечает. Смеемся. Воняем. Потом еще смеемся. Мы смеемся и воняем. И мне кажется, что ничего другого нет: что мы ничего не делаем, а только воняем и воняем. Сидим и обваниваемся друг с другом. И мне становится легко. Расслабленность суставов. Звуки гитары.

Эпизод #2.

Мы договорились встретиться в буфете.

Карл сдавал экзамен. За ним зашли из деканата. Он сдал экзамен и пошел с ними. Их было двое. Первый (как потом оказалось депутат) был жирным настолько, что после нескольких шагов пешего хода чуть не взорвался, как перегретый котел. Второй (как потом оказалось американский армянин, бизнесмен) был худее и моложе, но опять-таки жиротрясных размеров. Морды, ожиревшие какой-то заботой. Забота о нации? Бессонные ночи принятия сложных ответственных решений? Боль за увеличивающуюся день ото дня миграцию населения? Все эти непосильные вопросы красноречиво покоятся на удрученных горьким человеческим опытом свиногенических челах этих ополоумевших безумцев, готовых ради возрождения Великой Армении пожертвовать своей канализационной помощью не успевшим еще встать на ноги студентам. Им нужен был переводчик, чтобы утвердить и заверить в суде (каким-то невероятным образом им пришлось оторваться от мирских усад и представить в суд документы, свидетельствующие в пользу правомерности финансовой деятельности их наспех сколоченного совместного предприятия) несколько бумаг. Переводчик согласился. Вокруг этих двоих ошивалась кучка зоологически здоровых молодых людей при оружии. Членохранители. Мерседес подогнали к самому входу. Жирдяи наметанно нырнули в машину и проворно разместили по всей машине свои тела. Переводчика попросили подождать во дворе (так как им нужно съездить по какому-то важному государственному делу). Он прождал часа два. Наконец свинофреники подкатили. Карл сел в машину охраны, и они умчались, цыкая отстойной рэполузглой мелодией.

Сначала пожрать. Остановились возле “Попле.. поплавка” (это кафе иногда называют сердцем армянского джаза (хотя там собираются самые известные жопы армянской столицы (и, разумеется, самые дорогие). Звучала живая джазовая музыка. Боровы сели за стол и усадили с собой Карла. Они себе заказали себе кучу жратвы (с момента сдачи экзамена прошло около пяти часов). Переводчик заказал чай (хотя в данный момент вряд ли кому-нибудь из живущих в этом городе хотелось есть больше чем ему). Они будто просекли этот момент.

Ему не хотелось чизбургер, и он (хотя ему очень не понравилось, в какой манере ему заказали еду) попросил принести какой-нибудь хот-дог.

Тут начался их разговор (выдержанный в ключе легкой официальной беседы, как и подобается при встречах в теплой и дружественной обстановке).

Они обсуждали каждую юбку, отпускали реплики в сторону проходивших хорошеньких “пизденки”, рассказывали о своих свинопомрачительных подвигах и о том, как бы они сейчас отдрючили ту сидящую напротив сексопилу с ребенком.

Переводчику все больше становилось не по себе. Ему открылся новый Ереван – незнакомый грязный вонючий продажный безнадежный сгнивший умерший мертвый. Спасибо всеизлечивающей демократии. Спасибо за протитуированных депутатов, этих защитников народа в лице его “лучших” представителей (ассоциация – предстательная железа). Трапеза окончена. Раз уж мы поблагодарили Господа Бога за предоставленный нам сегодня бисерообед, то давайте также вознесем свои молитвы к “небу обезбоженному”. Восславим “землю обетованную”. И принесем ей в жертву единственно разумный продукт постиндустриальной цивилизации – наше право на рекламу. И воздадим должное человечеству, заведшему лучших своих сынов в подполье. Аммиакоаминь.

Показывается здание городского суда. Выходят, идут, помрачнели, судья (одной с ними закваски), лицо с натуральной размер государственного флага. Листики. Ну вот работа и началась (с момента сдачи экзамена прошло около пяти часов). Переводчик подписывается под первым проверенным документом, тянется ко второму – “А диплом?”. Я на пятом курсе, еще не получил. Что? Нетнетнет, так не пойдет! Если нет диплома, значит ты не переводчик, ты не имеешь права вообще видеть эти документы. Но они ведь знали, что он на пятом курсе. Они сами справлялись о нем в деканате. Как же так! Иди позови охрану и можешь идти! Ты больше не нужен! Входят козлосбы: Что, не может перевести? Жирдяи: у него нет диплома, приведите другого, с дипломом. (Карлу) Можешь идти. Даже без “спасибо”! Как с насекомым, которого не прихлопнули, а выпустили в окошко.

Мы встретились с ним на следующий день в буфете. С ним невозможно было говорить.

У.Д.М.

Наше личное бытие во всех отношениях унижено.

А. Швейцер, Культура и этика.

Рядом с ним сидела девушка. Она ласково смотрела и тыльной стороной кулака гладила ему спину и плечи. Крепкий красный лечебный чай. Обильное питье и свежие платки. Он ощутил их теплое пульсирование – этих рук словно не существовало, ее самой словно не было, казалось, что какая-то неудержимая сила руководит находящейся здесь мини-лабораторией, в которой день может легко и беспрепятственно превратиться в ночь, а ночи может не существовать вовсе. Шмыгнул носом и поцеловал ее в немного топорщащиеся усики. “Не может же у нее все быть идеально. Зато какая она умная (интеллигентная), у нее такие маленькие темненькие ушки”.

Их окружали одни унитазы. Ближе к витрине стояли умывальники и душевые кабинки, у двери – краны и сифоны. Это магазин сантехники. Он менеджер. Унитазных дел мастер. Она не работает. Поэтому приходит его навестить (этому он подвергался почти каждый день). Для нее это было чем-то вроде работы. Работозаменителем. Ей было очень важно наседничать. Трудно сказать, чем же это было на самом деле, - алогичным порывом, “помни о времени”, добровольным погружением в тупик, веселым приключением, клеткой в зоопарке, падением перед группкой непримечательных людей с “эффектом задиранья”, вызовом без зазрений совести, одноколесным велосипедом, кислым мороженым, инфекционным заболеванием, кройкой и шитьем, выдохшимся шампанским.

Она переподзаскочила на перерыв. Заесть простуду не получилось, поэтому он сел возле электроплиты и подставил спину той, которая (в отличие от него) знает, что с ней делать.

Было тепло и тихо. Она понравилась ему – поведение соответствует внешности. Он вспоминал первые месяцы после армии, когда ему было дико тоскливо. Так же, как и сейчас.

Эд одернул занавеску и потянулся, распрямляя позвоночник скорее по привычке, чем по необходимости. Было мягкое весеннее утро. Он прошелся по комнате, разминая руки и ноги, и опять бросился на кровать. Дома никого. Можно поспать еще. Но какое-то совестливое чувство подняло его с постели и подвело к чайнику, который пришлось включить. Ждать пришлось недолго: параллельно жарились гренки, а из холодильника глядела подкорректированная прошлым вечером колбаса. Через минут десять от последней редакции колбасы практически ничего не осталось. Приняв ряд оперативных решений по остальным вопросам, а также наметив необходимые процедуры и поправки касательно регламента, он ощутил потребность в прояснении проблемы табакоресурсов. Курево надо приобрести немедленно. Нужно спуститься вниз на остановку в ларек. Девятый этаж. Без лифта. Трансформация энергий (потенциальная - кинетическая). Придется прогуляться. Пищеварение. Убедиться, что жизнь еще продолжается.

Купил. Затянулся. Или куришь натошак, или пьешь с похмелья. Еще только полдень. До вечера целая пропасть времени. Если поспать, можно убить час-два, а что же делать потом? как жить дальше? Позарез необходимо найти работу. Энергии и в самом деле так много. Но ее невозможно удержать, невозможно направить. Она исчезает бесследно. Два стандартных жизненных приема: засыпание и пробуждение.

Он дал себе поднять себя наверх.

Звонок. Ошиблись номером. Хоть какое-то разнообразие.

Телевизор. Горшок с лапидарией Сандерса. Цветное поет прыгает. Отключаю. Холодильник. В кастрюле еще рядом безвкусно. Поел. Магнитофон. Все записи приелись. Радио. Окно – книги. Радиосхемы из старых юношеских журналов. Паяльник.

Пришли родители. Есть новости? Все по-старому. Он незаметно что-то пробормотал о работе. Пока нет. Мы предупредим.

Он видит, как они выкладываются. Времена тяжелые. На износ. Здоровый бугай. Действовать!

Мужчина не должен служить в армии. Мужчина не должен возвращаться из армии. Армии не должно существовать. Государство – это я. Некоторые, возможно, назовут это пацифистским бредом. Но мне плевать, как это назовут. Сегодняшняя философия – гуманистический эгоцентризм. Человеку вновь подарена Вселенная. Человек восстановлен во всех своих необозримых правах. И это сделали мы – художники. Мы – соль цивилизаций, беспокойные дети мировых войн за сферы влияния, безжалостные санитары социума, жрецы культа Спонтанности, камикадзе Культуры.

Я должен возвращаться к повествованию. Кипа газет. Что я умею? Инженер\экономист\бухгалтер\человек. Могу шоферить. Или снимать свадьбы на фото и видео. Вот в принципе и все.

Он пошел к себе, плотно закрыл за собой дверь и закрыл глаза.

Зазвучал магнитофон. Перебор на гитаре. Щелканье выключателей. Тихие внутренние голоса. Потом воспоминания о детстве (которое на самом деле было не менее дерьмовым; единственное преимущество – тогда он мало что соображал; пугливый, трусливый, неуверенный в себе и застенчивый ребенок; без друзей). Потом сон (на ту же избитую теметику). Слышутся голоса во дворе и ворчликивание птиц. Солнце нагревает ему руку, и она начинает чесаться изнутри.

Он лежал с открытыми глазами. Легкий ветерок. Когда балансируешь между сном и явью.

По совету Пита он ходил в библиотеку. Максимум на два дня, после приедается.

У входа в библиотеку стоял милиционер, который многозначительно ковырялся в носу и, сконцентрировавшись на ощущениях, вращал во все стороны глазами.

Ереван. Два основных влияния в городе – русское, американское. Два довольно молодых народа диктуют свой модус вивенди одной из древнейших наций на планете.

Но рабиз – основанное на национальных мотивах армянское попсовошансоновое творчество – это позор нации. Это гнусные черви на еще живом, но находящемся в глубокой коме теле. Это печать восточного (в самом говенном смысле этого слова) рабства. Мент продолжал ковыряться

в носу, резко и азартно, будто играл в настольный хоккей. Был предъявлен читательский билет. По коридору в читальный зал. Подзвученная канцелярской крысовозней полутишина.

Моя книга пришла? Фрейд. У кого? (На кой черт телкам Фрейд) Нет, спасибо. Я зайду завтра.

Возник вопрос. Тревожное спокойствие. В любой человеческой речи рано или поздно возникают мнимые вопросы. Самый сложный вопрос всегда произносится как ответ.

Сложнее всего вопросы без сути. С ними ничего нельзя сделать. Ни проанализировать, ни синтезировать. Их единственно реальная функция - беспокоить своим присутствием. Мучительные гипотезисы.

Пришлось ждать до завтра. Оказывается, это не так-то легко: ждать завтра, которое приносит с собой ожидание другого завтра и GO TO BEGIN.

Телевизор был выключен ногой. Эффектно.

Назавтра уже повстречался другой мент у входа. Какая убийственная скука заключена во всем, что он делает. Мораторий на милитаризацию.

Он задержал взгляд на фотографии. Трудно назвать это взглядом (ничего осмысленного). И в его дурацкой милицейской форме было больше смысла, чем на его расчлененном электрическим светом лице. Он расцарапал нос и пытается пальцем приостановить кровотечение. Вращение глазами. Клубок изолированных ощущений. Механическая реакция на любое приближение к его Контрольному Пункту (Все равно что в морозильной камере установить холодильник). Армия в книгохранилище. Звучит зловеще.

Тот же диалог, что и вчера. Опять насчет книги. Словно перемотали назад или вчера прокрутили вперед. Одна и та же пленка. Совокупность дежавю.

Берет книгу. Пристроился у окна. Окно открыто (корыто). Духота. С окна доносится звучание улицы. Громко. Никогда нельзя забывать о проблемах с желудком. Очень часто урчит и издает всякие другие инопланетные звуки. И, по закону подлости, в самый неподходящий момент. Когда очень нужно, чтобы он молчал. Маленький прожорливый беспощадный. Бывало, долгими часами он пытался услышать его в спокойной обстановке (платонодиалоги), без тени смущения или негодования, то есть в "чистом" виде. Но он упрям. Он замыкается в себе. Он такая же часть его. В какие-то моменты жизни он действительно зависел от своего желудка. Зависел всецело. Он его очень боялся. Даже здесь среди книг, тишины и приятного ветерка с окна он не мог расслабиться. Люди видели его. Этого было достаточно.

Книга была ветхая. Времен Александрийской библиотеки. Какое чудо, что она сохранилась в таком состоянии и дошла до наших дней! Обилие жирных пятен неизвестного (но вполне угадываемого) происхождения.

Фрейд шел довольно гладко: после бесконечных марксов в армейской библиотеке, это было струей свежего воздуха.

Он перестал читать из-за живота, который к тому времени буквально выл. Он прерывал его мысли. Чтение превратилось в просмотр разноплановых слайдов. Домысливание текста прекратилось еще раньше. Послевкусие. Хватит, остановимся на этом!

Вдруг ему в голову пришла мысль. Что за девушка читает эту же книгу? Кто сегодня читает Фрейда? Напишу-ка ей записку: возьму на прикол.

"Отзовись, милая девушка (телочка, умоляю, только не страшила)! Я тоже читаю эту книгу (и что это мне дает). Кто ты? Жду с нетерпением ответа (слишком сухо, но зато не навязчиво). Заложил в книгу и сдал. Больше он в библиотеку не ходил.

По радио сообщили, что 15.00. Перерыв окончился, пора открывать входную дверь. Он резко отогнал последние впечатления от разворачивающихся дальше воспоминаний. Стоп-токинг эмоциональным нагрузкам. Высморкался в платок. Она положила голову ему на спину. Он чувствовал на своей спине что-то чужое. Инеродное. Которое, возможно, заснуло. А может, просто отдыхало или думало вспоминало дышало мечтало прикидывало - рассчитывало вглядывалось замирало. Это могла быть не голова, а, скажем, деревянный брусок, камень, пластмасса, керамика, пачка газет - что угодно, что неживое.

Жива ли она сейчас живет ли она живет ли он. Две биологические массы. Два мяса, не связанных ничем. Ничего общего, кроме глухого животного томления. И груды сантехнического барахла.

Вошло несколько клиентов.

-Дядюшка Мокус, а можно я запущу в них грязью?

-Нет, Bambino. Да, они плохие люди, но у них могут быть хорошие дети, которые наверняка любят цирк.

Он встает и подходит. Система приведена в действие. Систему не остановить.

Профессор

*Она символизировала смерть
уже самим фактом своего существования.*

Ю. Давыдов, Бегство от свободы.

Я постучался. Приоткрыл дверь. Мне дали знак подождать немного. Я встал у двери. Аспирантура, 1-ый курс. В соседних аудиториях сдают экзамены. Несколько болванов травят анекдоты, у туалета дозубривают лекции набитые дыры. Мелькнуло что-то, содержащее в лице мысль. Разве что мираж. Разве что тоска. Уныние. К умным лицам еще большее отвращение. Возведем обскурантизм в ранг государственной религии, - в конце концов, всякой религии свойственны черты оживления мертвечины.

Где-то возле кассы опять недодают стипендию. Кассиры отстегивают своему руководству. Студенты бесконечно занимают друг у друга, что создает крайне неблагоприятную моральную обстановку. Слава богу, я отвязался от всевозможных курсовых проектов и остальной части университетской учебно-миазмовой программы. Порабощение через внушение напряжения.

Я встаю у двери и погружаюсь в мое текущее состояние. Я уже не студент. Но еще и не преподаватель. С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что это место не по мне. Я пока еще не научился изымать себя из этого, университетского, контекста. А в другом я себя и не представляю.

До этого я был на английском. Протухшие бессмысленные тексты для foreign students. Рассказал о том, как провел зимние каникулы. Была коронная фраза – “I spent my winter holidays in Yerevan”. Этим было сказано все. Я в застое, у меня ничего не меняется.

После – собрание в актовом зале Аспирантской Школы. Жидколобый академик, говорящий по-армянски с большим акцентом, желтый как рукописи в Матенадаране, скромно, по-академически, одетый. Иногда он переходил на русский, чем обнаружил свою полную несостоятельность в языках и неспособность изъясняться – даже отрывочно – свою мысль.

Но в общих чертах речь обрисовать можно. Звучала новая вариация на старую тему о пользе образования (особенно инженерного) в эпоху научно-технического прогресса. Ссылался на свои многочисленные маразматические монографии и статьи. Переход к схемам. Цепь математически выложенных упорядоченных комментариев. Логическое мышление. Рационализм. Механицизм. Вульгарнейшая позиция. Бесспорная возможность применения математического аппарата повсюду (включая вопрос ощущений при мочеиспускании).

Всего одна оговорка: “Правда, мы не можем спрогнозировать длину юбок через десять лет (это он так шутит). Когда мы имеем дело с женской логикой (!), математика бессильна (так он выражает позицию мыслящего человека)”. Оживление в зале. Некоторые квазимодо хлопают.

Академик – полные панталоны радости. Продолжает. “Моду делают мужчины” – думаю я. Инженерная мысль позволяет нам конструировать жизнь по нашему жалкому образу и гадкому подобию. Строгость тезисов – единственный путь приобщения к вечному, с тем чтобы заявить о

себе, объявить себя социально значимым в прохудившихся сетях производственных отношений. Коллективная рефлексация на предмет обнаружения гуманистических возможностей прогресса. Гордиевоузлы и Дамокловомечи. Промышленная оргия. В погоне за сверхприбылями все равны. Ущемление либидо. В мире животных миниюбок. Ничего кроме делопроизводительства.

Какая пламенная речь! Все делают задумчивые виды, все задумчиво аплодируют, все задумчиво хотят поскорее и понезаметнее смыться. Я молчу, я не проявляю признаков жизни, я из другой оперы.

Неужели столько глупостей можно наговорить за такой короткий промежуток времени?

Испытание продолжается. Следующий по списку – мой научный руководитель. Встреча на Эльбе. Замечательный человек. Я у него многому учусь. Милейший и мудрейший человек.

Однажды он мне рассказал удивительную историю. Как он искал ГЛАЗ ДОЧЕРИ! Это случилось во время энергетического кризиса и блокады. Его жена и дочь возвращались от соседей, обитающих на верхних этажах. На лестнице было очень темно. Фонарь светил очень тускло. Дочь поскользнулась и упала, зацепив за что-то глаз. Он выбежал на крик. Ее увезли в больницу. Все думали, что она потеряет глаз. Но “бог милостив” – глаз сохранился. Профессор разогнал соседей и оказался в темноте. Полночи он провозился с фонариком на лестничной площадке, пытаясь найти глаз. У него в зажигалке была пачка сигарет (он некурящий), которую он выкурил в час. Все обошлось. Но когда он рассказывал мне это (этот разговор возник из предыдущего, о вреде курения), я почувствовал, как все в нем перевернулось. Он очень удивил меня. Я думал, что он тоже робот.

А что же на самом деле значит для него наука?

Разве можно сказать, что я меньше ученый, чем они?

Тандем: риторическая гимнастика & толпы воображающих о себе бог знает что посредственностей.

Обо мне, видимо, забыли. Продолжаю. Как мало им сейчас платят. Мучаются. Борются за дополнительное финансирование. Импотенты мысли. Реанимировать свои малахольные знания в коммерческом ключе. “Однозначность тезисов”. Одномерность мышления. Вот замечательные образчики глохнущей культуры детерминизма. Смерть прогрессивного знания. Тормозы цивилизации. Спидозники воображения. Рабы трезвой рассудительности. Смиранные воли здравого смысла. Труд довел обезьяну до очеловечивания. Безнадежного и беспросветного. Что заставляет меня, мутированного примата, обвинять седую святость академического знания?

Нигилизм – вот ключ к жизни, единственно возможный сосредоточенный взгляд на перлы всемирного лицемерия. Но нигилизм, будучи открытием начала, есть закрытие конца. Нигилист – человек обреченный. Нигилист – человек, герметизирующий жизнь, заранее зная, что это его убьет. Попавшим в вакуум жизни остается только одно – сойти с дистанции. Трагедия нигилиста – это прежде всего трагедия его совести. И я хочу перестать обманывать обманывающих меня, прервать эту связь, уединиться в своей борьбе против всего, что безальтернативно. За детское неведение!

Memento vivendi!

Капитализм – это абсурдист, пытающийся поступить в аспирантуру, плюс зомбификация всей страны.

Поэтом можешь ты не быть, но дадаистом быть обязан!

Хочу Женщину!

Наше движение – центробежное!

Культура – газы цивилизации.

Семь раз отрежь и один раз тоже отрежь.

Женщина – такое же чудо, как и телевизор. Но моргает.

Верните людям людей!

Свободу свободе!

Труд – хроническая болезнь, требующая неотложного интеллектуального вмешательства.

Бойтесь интеллигентов, дары подносящих!

На улицах мысли нет окон.

Вот сейчас, когда меня разрывают на части созревшие во мне сомнения, могу ли я продолжать сюда ходить. Слушать, говорить, обсуждать, записывать, отписываться, обкладывать себя универсальностью и думать свою непрерывно модулирующую думу. Красть у самого себя силы, энергию, а главное – время на маскировку и надуманную рекогносцировку. Смогу ли я отстаивать позиции, которых у меня нет и не предвидится. Поддается ли это маскировке. Бездействие – флагман действия. Хочешь действовать – бездействуй. Только так можно отстоять свою точку зрения.

Человек умер!.. Да здравствует человек!

Вот глупость!

Вхожу и сажусь за стол, на обычное свое место. Достая написанную на днях статью.

-Написал?

-Вот, посмотрите.

Долго и внимательно вчитывается. Больше работай над собой (!). Это что-то отдаленно напоминающее обзор. Подумай и напиши заново. С мыслью. Проблематика надумана. Не расстраивайся, дерзай дальше. Не все сразу. Отшлифовывай мозги.

Должен признаться, меня очень бесит и невыносимо тяготит следующее обстоятельство. Это обстоятельство связано с той группой людей, которую я называю околоинтеллектуальной средой. Как правило, такие люди, услышав о моих метафизических интересах, многозначительно улыбаются и говорят, что сами проходили те же этапы развития и что это увлечение у меня скоро пройдет. Бессилие обречено на смерть. Сила бессмертна. Я устал от тлена мертвецов, мне нужна живая плоть и кровь.

Несколько слов в защиту творческого человека. Творческий человек знает на что идет, отдаваясь в полную и безраздельную власть познания и продуцирования смыслов. Сместим акценты – искусство требует не жертв, а мук. И здесь не может быть речи ни о каких компромиссах. Истинный художник бескомпромиссен в силу своей природы. Жертв выбирают, муки – нет. Поэтому человек, самовольно и добровольно идущий на самозаклание на алтаре Искусства, должен обладать недюжинной силой собирать разбросанные камни, даже если от этих камней ничего не осталось. Художник вырабатывает свой фермент социальной ответственности (вряд ли это можно назвать совестью) и выносит его на суд современности, сознательно давась от удушья и бесконечно конвульсируя в приступе ангажированности.

Нервы. Тревоги. Все ясно, переделаю. Куда после этого?

Несколько дней назад я столкнулся с деканом факультета внешнеэкономических связей. Он попросил зайти. Ну, думаю, предложит работу. Хоть на полставки. Мне как раз это и нужно – немножко денег в обмен на небольшую ответственность.

Пошел к декану. Стучусь. Он говорит, что занят. Я спрашиваю, по какому делу звали. Говорит, к нему попал новый пакет экономических программ. И что он может его мне любезно предложить. “Классная вещь, как раз по твоей диссертации” – панибратски заключает он.

Я сделал вид, что очень образован, и именно об этом и мечтал, и попросил разрешить мне использовать этот пакет для моей диссертации, так как это мне до невозможности необходимо.

И хоть цель моей диссертации мне непонятна так же, как и причины возникновения вселенной, я все же самолично поставил себя в неловкое положение, которого наверняка не было бы, если бы я только осмелился и плюнул на все с самого высокого дерева на дно самого глубокого ущелья.

ПЛЮНУТЬ НА ВСЕ. КАКОЕ ЭТО БЛАЖЕНСТВО! САБОТИРОВАТЬ ВСЮ ЭТУ ПРОПИСНУЮ ГЛУПОСТЬ ВЫЖИВАНИЯ. ВОТ МИГИ СЧАСТЬЯ!

Пошел в библиотеку (опять эта гребаная библиотека).

За мной шла грудושлепка в дубленке. Грудь в два глобуса. Завертеть и опустить наугад палец. Интересно, в каком месте на the глобусах сейчас нахожусь я? Хотя нет – совсем не интересно, глупость какая-то! Я открыл дверь, прошел вовнутрь и придержал ее для нее. Она меня даже не поблагодарила. Что-то фыркнула себе под кингконгонос. Глупость. Жили бы мы в каменном веке, я бы содрал с нее живьем шкуру. Обработал по-первобытному кожу. И настриг себе миллион презервативов. Ты бы у меня вкалывала, как папа Карло. Как проклятая! Глупая ты дрянь!

Прохожу мимо экспозиции книг, выставленных по случаю юбилея какого-то местного писателя. Глупость. Глупоглупость! И архитектура, и конструкция этой клоаки – дерьмо это все, глупизм.

Зал научных работников. Одни старики. Все читают, что-то пишут, отрываются с задумчивыми лицами от книг, полуобдумывают. Очкастая коренастая женщина сдает книги. Сверху название “Поляризация ионизированных мономеров”. Убирает исписанный блокнот в сумку. Выходит. Беру свои книги и не нахожу себе места. Ворочаюсь. Беспокойство сонливости. Одним словом, глупость.

И вообще, – сегодня день глупости.

Я провозглашаю этот день днем глупости. Надо не забыть, какое сегодня число. Вряд ли этот день придется отмечать раз в год, он может возникать и раз в месяц, а то и чаще. Так что, до конца года дата будет пересматриваться неоднократно.

Иду по широкой центральной улице. Магазины, аптеки, бары. Зашел в магазин за жвачкой. Вдруг сверху капля – ляп! – прямо рядом с ширинкой. Будут думать, что. Опять глупость.

Сколько болтовни! Разогнать всех слезоточивым газом. Всех. Миром правит глупость. И я часть этой глупости. И все, что случится нового (или забытого старого), вновь окажется глупостью.

И по большому счету, все мои усилия – глупость. Все и вся, чем и чмя я восхищаюсь - сумашедшей глупость на свете. И это вывешенное в доме напротив белье - просто глупоголия. И пыль на моем фоно – суперглупость.

И все остальное – самая глупая глупость. И подвиг – аппроксимация глупости. И опыт, сын ошибок трудных.

Профессор сидит в своем кабинете. Двери открываются и закрываются. Глупость продолжается.

Miss A

Культура – это мир готовых продуктов.
Все определения этой культуры
можно вывести из понятия “населенный пункт”.

Л.И.Филиппов, Философская антропология
Жан-Поля Сартра.

Впервые мисс А показала на нашем университетском небосклоне в 1996-ом году в 13.46 утра. Наблюдения велись с пункта “скамейка№23” невооруженным глазом. В этом году был зафиксирован всплеск радиоактивности на Солнце, поэтому наблюдения велись с чрезвычайной осторожностью.

Итак, она существует – ходит, ест, пьет, экскременирует, мурлычет под нос популярные мелодии (особенно чилипперзов и мадонну), строит и вынашивает планы, отдает и не отдает себе отчета в своих возможностях, прорабатывает политику сбыта и стратегию потребления, обналичивает свою внешность, анализирует сводки оперативной информации. Ее статьи о коммуникативном менеджменте можно не увидеть в таких газетах и журналах, как Newsweek, Sunday Times, Washington Post, New York Times, Вопросы экономики, Вопросы философии, Вопросы киноискусства, Успехи физических наук и т.бесп. Только пристальный неизъеденный вождением глаз запомнит выражение апокалиптического лица с ярко обведенными сосущегубами. Мой радар определил ее местонахождение – она приближается. Проходит мимо нападающего, обводит двух защитников и стремительно приближается к штрафной площадке. Я пропускаю ее вперед и, по древнекитайской традиции, осматриваю ее зад. Держалась до последнего. Ни в чем не созналась. Нельзя допустить, чтобы она и потом продолжала отпираться. В лучшем случае ей грозит от пятнадцати до двадцати лет в колонии суперстроогого режима моих эротических снов.

Я могу задать себе полупроводниковый вопрос – почему.

Очки(-о), ярко отполированный рот, грязно аристократическое лицо, обнаруживающая каучуковые свойства грудь, морфология зада, семиотика взгляда, исследование операций в ситуациях ее присутствия, архитектура ног, биология кожи, механика рук. Она холодна в выборе и горяча в туалете. Ее трудно инсайтировать, еще труднее – распознать. Всегда экстраполированная. Запатентованная. Бармоглутальная.

Я могу задать себе карликовый вопрос – почему.

Когда я ее впервые увидел, она мне напомнила одну порнозвезду. Идентификация подтверждается. Поразительное морфологическое сходство.

В то утро я не пил не ел, я на нее вовсю глядел, как смотрят дети. Во время лекции она случайно замаралась чернилами. Конечно, я инверсировал цвет. Ей это очень шло. И я подумал – вот если бы она была писателем. Тогда вместо автографов ей пришлось бы раздавать пиздографы (она просто бы садилась на лист). А если бы ее за что-то потом осудили, то непременно потребовали бы с нее отпечатки пизды (так как по отпечаткам пальцев женщины никогда ничего не узнаешь).

кинулся на нее снова. Она оцарапала ему лицо и бросилась бежать. Спасите! Помогите! Насилуют!

Вот какими возгласами были полны те стародавние сказочные времена, о Нефтедобывающая Шестерка на Побегушках США. На крик выбежала вся кафедра, и наркомана тут же аннулировали. Хотели засудить, но потом отец мисс А, сотрудник кафедры, боясь огласки, отозвал свое заявление из милиции. Да и потом, кому как не нам известно об эффективности борьбы ваших, о Огандонелый Справедливостью Фуцен, судов с преступниками. Дело кончилось вытеснением этого воспоминания из сознания всех, втянутых в эту волшебную историю.

Я увидел ее на следующей лекции. Она по-прежнему была весела. Она по-прежнему вела себя вызывающе. Она по-прежнему сидела с ним за одной партой. Она по-прежнему декольтировала грудь, декламировала ноги, демонстрировала юркость зада. Она была рядом. Ее можно было потрогать.

Я вышел позже всех. Мне хотелось договориться с мисс А, чтобы она со мной позанималась матпрограммированием. Она шла впереди меня. И на нее можно было напасть. С одного прыжка.

Пенсионеры

Сюда не проникает ни солнце, ни ветер, ни дождь, ни пыль.

А.Роб-Грийе, В лабиринте.

Переведено с языка молчания.

Я говорю “а”, получается “б”. Говорю “б”, получается “а”. Говорю “аб”, получается ни “а”, ни “б” – только смутный звук, наполненный долгим и бесконечно тревожным ожиданием. Проблема в четыре угла. Так ли все просто, как эти 4 стены, пропустившие напряженное каление моего взросления. Я ощущаю, как они медленно, словно опускаясь в воду, проникают в мое сознание. Унылое безмолвие. Тусклая тупизна цветовых комбинаций.

Такая односторонняя игра. Жизнь человека, надломанная увеличивающимся день ото дня грузом проблемных ситуаций. Сетевой график. От одного к другому. Минута все остальное. Сумерки. Рассуждения вслух, мимо ушей, мимо вещей. Это.

Человек, оставшийся ребенком. Вдаваться во все, не вдаваясь ни во что. Глаза, закапанные феноменологической редукцией. Писать о чем-то, о чем невозможно писать. Здесь мало бороться, здесь нужно противостоять. Эти строки написаны в самом начале ухода за. Процесс трудоемкий и тугоплавкий.

Сейчас я нахожусь в комнате моей Ба. Теперь здесь живу и я.

Сначала заболела Ба. Потом Да. Съесть своих стариков?

Ребенковерблюдолеворебенок.

Старики – грязные дети.

Обнажилось, во что превращается человек. Изолировать?

Какой возраст более соответствует понятию “человек” в высшем значении этого слова. Существует ли такая возрастная группа. Грязесток. Грязестон. Достоевский прекрасно знает ситуацию подполья: «дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! кто живет дальше сорока лет, - отвечайте искренно, честно? я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут! Я всем старцам это в глаза скажу, всем этим сребровласым и благоухающим старцам! всему свету в глаза скажу! Я имею право так говорить, потому что сам до шестидесяти лет доживу до семидесяти лет проживу! до восьмидесяти лет проживу!.. постойте! дайте дух перевести...».

Телеграфно.

У Ба было воспаление легких. Никого не узнавала, исчахла. Бредила на бытовые темы. Да долгое время таскал ее, обессиленную, в туалет. Позже оказалось, что у самого Да опухоль в мочевом пузыре. Нехорошая опухоль. Он лег в больницу. Мама оставалась там, подежурить возле Да. Она готовила еду и бегала к нему, чтобы успеть заплатить за новые лекарства и пакетики для капельницы. Шприцы, антибиотики. Больница сжирала весь наш бюджет. Отец подменял мать в

То в туалет, то погулять, то одеть, то раздеть, то накормить, то напоить, то включить свет, то выключить, то сделать пару звонков, то сбегать за хлебом и молоком, то за чем-то другим, то, то, то, то, то, то, то, то, то, то, то, то, то.

Я никогда не видел ее такой. Ба была маленькой заводной трудолюбивой старушкой. В меру ворчливой и скучной. Но теперь, когда болезнь сделала свое черное дело, я перестал ее узнавать (я открыл ее заново). Она делала первые с момента поправления неуверенные шаги. Мы делали “мотоцикл”: она хватала меня за разведенные руки и медленно черепашились.

В те годы я считал себя нигилистом. А нигилисту все по фиг; тогда цель оказывается в процессе достижения цели; перманентное преследование; перманентная борьба. Если нигилизм является отрицанием всех общечеловеческих ценностей, то это ничто иное, как система поведения. Мне обязательно придется столкнуться с проблемой отрицания отрицания, затем отрицания отрицания отрицания. Таким образом, нигилист открывает целую вселенную отрицания (если рассматривать это явление в аспекте многомерной логики). Но для этого нужен стержень. Нигилист в своем выборе должен опираться на совесть, так как только она дает человеку возможность подлинно отрицать. И здесь отрицание – это устранение.

Механизм изнашивался.

32

точку. Маломного. Хроника приостановлена. Включился чай. Лимон. Конфеты. Стол. Стул. Телевизор. дверь. Кухня. ящик. Горячая вода. Старая газета. Конфеты. Детектив. Куски сахара. Стол. Дверь. Стул. Газеты. Конфеты. Детектив. Куски сахара. Столешница. Выключатель. Окно. Тахта. Окно Тахта. Чайная ложка. Заварочный чайник. Часы на трюмо. Кусок мыла. Фикус. Примус. Пивная. Еще парочку. Москвошвеймосквошвея. Подушка. часы. поздно. Хотя еще недавно рано. А сейчас поздно. И будто бы совсем не поздно. Но поздно. Да еще настолько, что уже совсем не рано. Косой взгляд на телевизионный экран. Заледенеть в интенции. Мура. Телемура. Телехреномура. Тонкое обояние в толстой заднице. Толстое негодование в тонком интеллекте. Отрывной календарь. числа раз-раз-раз. Снова новый. Мы живем на Марсе. Конечно на Марсе. Это эксперимент. Мы жертвы эксперимента. Суперсовременная искусственная биосфера. Лаборатория на Марсе. Под колпаком. Ведь не случайно же в воздухе чувствуется что-то чужое, неродное, марсианское, ионизированное и теперь уже стекающее с аккредитованных здесь лиц и тел. А лицо - это часть тела? Словечко в яблочко. Они не надевают эти железобетонные скафандры. Они обзавелись обтекаемой формой и соответствующей пегментацией. Шаг за шагом я приближаюсь к разгадке. Держитесь за свои места. Прикрывайтесь своими местами!

Просьба нашедшим свои места убедиться в том, что эти места не многоместные!

-Чай! Чаю! Немножко чаю! Скорей! (по телику Жак-Ив Вкусты) Торопись! Быстрее! Хочу пить! (дельфины) Жажда!

-Что?

-

-

-Еще?

-Еще?

-Спасибо. Закрой дверь.

Нужно зайти к Да в больницу. "Что-нибудь накинь на себя", "Узнай, как Дед". Я скоро приду, я закрываю дверь, не трусь. "Узнай, как Дед!" Я иду к нему. "Узнай, как он!" Узнаю. "Накинь на себя!" Я тепло оделся. "Накинул?" Накинул. "Ни пуха ни пера".

Захожу к Да. Больничные коридоры. Запах лекарств и болезней. Врачи, больные, посетители – цепкий механизм лечепроизводства. Меня это навело на следующее. Когда я в первый раз побывал в литературной редакции. Печатали мою пьесу. В переводе. Карл меня познакомил с женщиной, издающей этот журнал. Мы поговорили. Ей понравилась моя драма. Экзотично. Необычная – это понравится нашим читателям. И я уже пожалел, что сунулся в этот "богемный" притон. Я начал сомневаться уже тогда, когда искал здание, в котором расположилась вышеуказанная пенсионерная редакция. Я нашел это здание по кафканианским описаниям в "Процессе". Договорились о встрече. Пришел вовремя – ее нет. Искал заглядывал во все двери.

-Сегодня заседания нет, - сказала женщина. -Как это нет заседания? – спросил он, не поверив. Чтобы убедить его, женщина отворила дверь в соседнее помещение. Там и вправду было пусто, и от этой пустоты комната казалась еще более жалкой, чем в прошлое воскресенье. На столе, так и стоявшем на подмостках, лежало несколько книг. -Можно взглянуть на эти книжки? – спросил

К. не столько из любопытства, сколько для того, чтобы его приход не был совершенно бесполезным.

Она пришла через час.

Процессуализированнолизирование.

Да рассказывает о своих болячках. Детально пытается разобрать каждое свое ощущение. Зашла медсестра. Утюжье выражение лица. Сыворотка, окаменевшая в фигуре. Да говорит ей, что я учусь на пятом курсе аспирантуры (!). Она засомневалась. Я ненавязчиво поправил Да. Напоследок один из коллекции его тупых анекдотов. Я симптоматично смеюсь. Ухожу, демонстративно задерживая улыбку. Скорее на воздух!

Вожусь с ключом. Захожу. “Замерзнешь, накинь что-нибудь на себя!” подводная одиссея рыбака с острова прибыл с официальным визитом называйте букву к сожалению навестить моих родителей ты не справился с бах-бах суп из овощного изъявили желание человеку третьего тысячеле чаще всего они восходящая эстрада переход хода получите карточку с нами вам не батончик че по от и ка ес ра ту.

Стоп-кадр.

Стариковское тиканье часов. Кубик-рубик, собранный в одной позиции. Наспех проглоченная шахматная комбинация. Растяжение времени.

Ба смотрит в окно на играющих внизу ребятишек и смеется. Я зазываю ее покушать. Она не реагирует. Она смеется. Она что-то видит. Ее это не тревожит. Она просто смеется. Она просто смотрит в окно.

Необарыги

*Рядовой человек буржуазного общества
все чаще разочаровывается в идеалах независимости и свободы.
“Состязание талантов” дает массу примеров,
когда усилия не приносят успеха, а надежды оказываются напрасными.
Тем не менее прежнее представление о “равных шансах”
продолжает функционировать, но уже как миф.*

П.С. Гуревич, Социальная мифология.

У американского посольства развернулась трехмерная очередь. Я проходил со своим приятелем. Мы шли в офис американского агентства “ACCELS”, которое занималось легализированной перекачкой мозгов в США. Все найтутобразованные студенты считали за честь и лучшее проявление карьероборчества прокисать в такого рода организациях. Условия просты, как бутерброд с колбасой. Обучение в американских вузах. Сюда также входило: питание, проживание и СКОЛАРШИП.

Как, ты не подаешь в Экселз? Если получится, то кровь из носу – зацеплюсь. На худой конец, подцеплю какую-нибудь разжирелую американку и получу гражданство.

Важно расфуфференная соска снабдила нас инструкциями на тему “How to write Statement of Purpose”. Мы нагрузились всевозможными пачками бланков и поперлись в наш почтенелый хреновтуз за рекомендациями и прочим необъяснимым дерьмом. С этого момента начались мои библиейскоподобные скитания и мучения.

Я часами караулил очередного по моему списку важного скудоума. Визирования осуществлялись медленно и в нервах. Хорошо припоминаю главного в нашем политехе недоумка по всем этим делам. С кокетством и напыщенностью стареющей, но все еще дорогостоящей проститутки он откладывал свой росчерк пера. Как будто речь шла о невинности его двенадцатилетней дочери, уже во всеоружии готовящейся к топологическим измерениям поверхности своей груди. Несколько раз он отсылал нас переделывать английский вариант нашего диплома. Первое место в хит-параде ошибок – “History of Armenian Nation”, - которую нужно было переделать в “History of Armenian People”. И мы ополоумевшие от голода жажды пота усталости неохоты ненависти презрения недомогания черезсебяперешагивания отупелости онемелости тайноголикования смиренности и других невыносимых ощущений тащились к черту на кулички в ВЦ, чтобы отпечатать откорректированный там же экземпляр (поскольку у нас не было компа) на тамошнем же принтере (поскольку у нас не было принтера) и успеть до перерыва, когда жир начинает принимать жир.

И вот я собираю в одну папку надыбанные в ипподромном пылу документы и несусь в АКСЕЛЗ.

Триста сорок четыре тысячи пятьсот двадцать восемь человек упакованных в сейфы по разным комнатам. Какая-то иссочившаяся от волнения инязовка (я их сразу узнаю по форме сисек) с придыханием собирает мои последние анкетные данные. Я делаю ей абстрактный комплимент (кажется, связанный с погодой). Она злобно фыркает и относит мои бумажки в конец комнаты. Затем она с пренебрежением бросает их на расползшуюся кучку и говорит, что я свободен.

Поставила на предохранитель. Включила противоугонную систему. Alarm! Alarm!
Я конечно не бог весть кто, но, знаете, и не черт знает что!

Я помню, еще тогда подумал: “Замужем”. А потом подумал. Всякое подумал. И почему говорят “за мужем”, а не, скажем, “под мужем” или “над мужем”. А еще точнее – “на мужнем”.

Теперь немного о межличностных отношениях на половом уровне в ракурсе изменения состояний динамического поля социальной конституированности.

В первую очередь количество автолюбительниц (только это последнее слово способно выразить отношение женщины к автомобилю). Каждая телка стимулировала всеми своими прелестями своего ебаря к приобретению как можно более респектабельного автомобиля. А если женщина чего-то хочет, да еще и сильно, то. Поэтому бабс на тачках расплодилось великое множество.

Чего (кого) хочет женщина, Того хочет Бог. Женщину невозможно обмануть – она всегда знает на что идет. Женские ошибки тем и отличаются от мужских, что первые делаются осознанно.

Теперь что касается всего остального.

В те нелегкие зубастые годы я работал (по настоянию моей матушки) рекламным агентом. Крутился по всему городу с кипой идиотских спецкниг. Искал, кому бы впарить подороже. Случилось так, что меня послали с заказом к самому начальнику главного управления по долбоебству Министерства Приватизации. Его фамилия – Шлюхачатрян. Невысокий самоуверенный пижон с типичными признаками предрасположенности к педофилии на лице. Но до того, как меня впустили в его гладко задыристый кабинет, я промариновался в приемной почти два часа. Пришлось все два часа наблюдать за минетоадаптированным лицом секретутки в просвечивающей блузке поверх просвечивающего лифа поверх просвечивающих груdek. Стандартный набор действий. Компьютер в качестве игрового автомата. Пачка заточенных до безобразия карандашей и календарь с изображением распухшей от искусственной еды косматой собачки.

Она живенько приготовила кофе и шмыгнула в кабинет. Затем вышла с заботливой улыбкой и стесняясь своих мыслей.

Наконец подошло мое время, и меня вызвали к Его Свинейшеству. Это был огромный говноразрядный кабинет с псевдоремонтом на стенах и фотографией купающейся где-то на Кипре барыжьей семьи на столе.

Я сильно смущался, говоря о ценах (в бизнесе я делал первые шаги). Мне стало противно все, что меня здесь окружало. Удовлетворять возросшие потребности буржуазного общества. Я понимал, что рынок – прогрессивнейшая экономическая среда. Но с точки зрения философской антропологии – это ТУПИК. Как литератор меня раздражают, как человек с предрассудками я оскорблен.

Я показал “наши” книги. Шлюхин остановил свой гулкий выбор на книге “Государственная собственность”, которая стоила около 30-ти баксов (это была московская книга, а на русском он даже две буквы связать не мог; ума не приложу, как он будет чииитааатттть). Будучи депутатом

(а эти выродки у нас получают самую большую зарплату, которой мне бы хватило на покупку минимум пятнадцати таких книг) он решил списать счет за книгу на бухгалтерию Министерства Приватизасрации. На том и порешили. Я составил счет и товарный чек, как и полагается при таких безнадежно пиратских операциях, и вышел на свет.

Пот тек с меня градом. За всеми этими хлопотами вид у меня стал таким, будто несколько человек усердно вываливали меня в дерьме. Разводы подмышками (от пота) и под глазами (от напряжения мысли).

Я просто не ожидал, что образ человека-секретарши будет навязчиво меня преследовать по пятам аж до дома. Видно, за те два часа я так тщательно ее отсканировал, что этот образ распечатывался всякий раз, как мне на пути попадалось существо женского рода. И я отлично знал, что все, к чему они стремятся, не больше чем изощрение в демонстрации моторных навыков.

Это было настолько же очевидно, насколько и привлекательно.

Начался период бесконечных экзаменов. Уже несколько месяцев, как я забыл об этой работоторговой сделке (естественно, комиссию я пока не получил – только после перечисления).

В один несовсем прекрасный день мой шеф (добрая душа) наконец решила напомнить мне об этом досадном проколе (деньги еще не перечислили). Я полетел к Говнорылому. Заседание. Нервных просим удалиться. Я пытаюсь мобилизовать свое терпение (или нетерпение) и дожидаясь в той же колбасоцветной приемной. Появилась новая табличка: "Reception". За секретэровым столом сидела все та же яйцеглотка и подпиливала ногти.

Тянут время.

Пришли ее подружки с этажа – такие же говномойки, как она (секретэттки из других отделов). Начался невыносимый женскопростонародновизгливый разговор. Когда дело почти дошло до окончания рабочего дня, я встал и попросил эту свинеторылую передать ее ебаному шефу, что приходил Пит, насчет книги. Она услужливо кивнула.

Дни шли. Перечисления как не бывало. Не хотел говорить, но со временем, о котором идет речь в данном повествовании, связан один из самых драматических периодов моей жизни. Послелюбие. Девушка, которой я восхищался и посвящал стихи, оказалась абсолютно равнодушна к проявлениям моих чувственных порывов. Более того, ей было наплевать на меня. Учитывая обстоятельства последнего предложения, я, будучи человеком критичным и критическим, осуществил несколько неудачных попыток стереть ее из памяти. Поэтому вопрос неоплаченной и висящей на мне книги тяготил меня со всей степенью возможности тестирования чувства тревоги.

Achtung! Achtung! Было три часа дня. Мне вернули книгу, заведомо отксерив ее и, естественно, лишив ее товарного вида. Мне даже не сказали спасибо. Я вышел из здния, в котором находилось Министерство Паскудизации. Мимо пробежала собака, потом кошка, потом проехал грузовик и запылил все вокруг, потом начались люди, пошел шум, звуки отдающего канализацией фонтана, дети с псевдошариками в псевдоруках, какие-то непонятные телки, несколько правительственных машин с тухлыми жлобами внутри, помет школьниц и

изжаренные на солнце туристические фотографии, метро с жетоноразменной дыркой в стене, ментопряды в своих поносиризированных формах и фуражках, туннель.

Свинопиздократия.

Человек, восстающий против самого себя.

Фонари.

Перекресток

Ничего нового. Существовал.

Ж.-П. Сартр, Тошнота.

ЕРЕВАН (до 1936 года в рус. транскрипции – Эривань), город, столица Республики Армения. Расположен в левобережной части Араратской долины и частично на вулканическом плато, на высоте от 850 м до 1300 м. Средняя температура января: - 4,2С, июля: 24,8С. Город разделен ущельем реки Раздан, протекающей с севера на юг. С северо-запада возвышается гора Арагац, с юга видны Большой Арарат и Малый Арарат, с северо-востока – Гегамский хребет.

Ереван – один из древнейших городов мира. В армянской исторической литературе Ереван впервые упоминается в начале 6 в. Согласно обнаруженным при археологических находках клинописным надписям, урартский царь Аргишти I в 782 г. до н.э. построил крепость Эребуни, у которой и возник современный Ереван (отсюда же и происходит название города).

Сегодня я получил стипендию. За вычетом профкомных удержаний (какого фига!); по традиции, “хвостик” стипендии оставляется кассиру. Довольно мизерное натуральное число. Хватит или на одну хорошую книгу (даже в жестком переплете), или на тройку хороших дисков (российского производства), или на скромный ланч с девушкой в закуской с экологическими проблемами. Решил приберечь денежки на потом.

Покрутился около часа по городу. Убедился, что все по-старому. Пошел к остановке. Всякие и всякое. Вот прошла стайка распушивших задницы бабс, тянущаяся с университета. Или еще – фигуристая, но жирная, как барашек, с кривоватыми ногами, сиси до писи, следит только за талией, животноводство. Бедрa добротные, широкоформатные. Женские задницы – мое эротоманистическое кредо. Она заметила мой бесстыжий робкий взгляд. Запуск отменяется. Хьюстон, как слышно?

Попробовать еще раз. Обратный отсчет. Шоу начинается.

Еще мгновение.

Все – теперь она работает на меня. Что на сегодня? Что на этот раз? Без разминки. Сразу к делу.

Один взгляд, только один положительно оценивающий взгляд – и я подключил ее к разыгрывающемуся передо мной хэппенингу. Она работает, отрабатывает каждое движение. Она наверно каждый день до бессилия тренируется дома перед зеркалом. Чувствуется мастерство профи.

Зафиксировала – шоу. Стимул – реакция.

Параллельно подключаю еще несколько девиц. Теперь ты. Теперь другая, нет, не ты, вон та, рыжая (блудливая, как коза), на выход, встань здесь, пересмотрим мизансцену, больше больше работай выкладывайся так хорошо работаем - работаем - работаем проход по правому флангу ты с короткими ногами в центр поближе очень хорошо ну конечно кураж теперь делаем раз два

прогнись прогнись глубже замечательно рука к лицу другая колесом вот не ленитесь теперь все все все встали ко мне лицом шажок вперед ты назад глаза потупили бровки нахохлили реснички задрожали поступь мягкая пластичная вильните бедром великолепно.

А вот если: схватил за сиську – и руки свело, не пошевелиться, а ей там придавило душу.

Или притворюсь бомжом – интересно, подадут? Вот эта точно подаст: у нее живот жидкий, значит добрая. Эта ни за что не подаст – волосатая шея, руки, спина: шимпанзе. Чтобы подавать, мозги надо иметь. Милосердие – каприз разума. Какая-нибудь конфетесса подаст, а я – хватать за руку или за что другое, и оторву с корнем. Пусть знает.

На сегодня хватит. Благодарю всех. До новых совместных проектов!

Вот на что способен художник. Я и в самом деле многое могу. Например, моя жареная картошка – всегда произведение искусства. Eat-art. Художник все делает художественно. Если художник отлюбил женщину, то она уже не человек – она результат его творчества, произведение искусства. Она – сложный механизм конденсации его творческого экстаза. Это касается всего.

Я всегда думаю об искусстве. Я даже придумал беспрецедентный вид искусства, который назвал cinemaassart. Это делается так. Подставки в три ряда, как в хоре. Пятьдесят хорошеньких женщин (от доходяг до пышек) на любой вкус. И показывать на их задницах кино. Особенно, если старые добрые мультики или киноальманахи о путешествиях.

Сверхчеловеку нужны сверхтелки.

Я вспоминал вечер на кухне, где мы (Я, Карл и Сэм) проникались водкой. Карл подал идею. Это был транспорт. Он сидел рядом и, косясь, разглядывал ее ноги.. Сигнал был принят – ноги начали оживать. Животворящий эффект взгляда. Она закутана в шубу. И торчащие из-под шубы ноги. Кроличий романтизм. Схватить ее бедро обеими руками и прокусить до самой кости, до хруста. А потом догрызать. И чтобы она на ходу спрыгнула с маршрутки и убегала, смешно болтая перекусанным огрызком своей симпатичной ножки.

После паузы продолжил Сэм.

Он рассказал о своих промокашковых брюках (он вообще любит рассказывать про свои брюки). У него были светлые брюки из тонкого материала. Они были довольно дорогими, да у него и не было на тот момент ничего другого. После туалета последняя, “золотая”, капля мочи просачивалась через трусы и оставляла на брюках еле заметный влажный след. Но благодаря уникальности материала, пятно разрасталось до несусветных размеров. И он ходил, даже не замечая, что незаметно от себя при всех обоссался. Эти брюки хоть и доводили его до отчаяния, но все же не так, как это случилось с его влажными джинсами. Сэму нужно было по неотложному делу куда-то идти, а единственные на тот момент брюки, говноцветные джинсы, еще не высохли после стирки. Ждал-ждал, а потом, не найдя ничего другого, нацепил на себя влажные джинсы. Пришел домой через час, весь издерганный. Его беспокоил намокший зад. После длительной серии заглядываний в зеркало он заметил, что она скорее напоминает сморщенные от долгого пребывания в воде подушечки пальцев. Мы оценили его истории.

И еще он рассказал байку об одном знакомом, который нажрался какой-то очень вкусной бастурмы, после чего от его члена целую неделю пахло этим деликатесным запахом. Так вот этот парень еле сдержался от соблазна полакомиться своим женьшенем.

Символы. Сплошные символы.

Проехал один автобус, затем другой. Пропускаю. Много бродячих животных. Рядом пробежала маленькая хромая собачонка. Она посмотрела на меня, я на нее, - мы поняли друг друга. Она поскакала к забитому барахлом мусорному баку. Я наблюдал за ней с огромным интересом. Как же я отдыхаю, когда смотрю на животных! Через час приезжает автобус, забит во все щели.

Иду в метро – чтобы доехать до другой станции и попробовать поймать автобус оттуда. Кассирша с дихотомическими передними зубами протягивает мне жетон и затягивает сдачу. Эскалатор не работает. Спускаюсь шаг за шагом в эту искусственную глотку. Переходы. Лабиринт. Освещение машинных залов. Вместо надписей машиноскрипты. Аварийный свет. Туннель. Массы людей. Технотронные черви. Многие с вещами, плачущими детьми, дурными намерениями, беспокойными глазами. Бесконечные подсвеченные табло. Часы, указатели, рекламы. Парк мертвых живых человеческих машин.

На разных скоростях вперед закутки выходы столы ларьки инвалидные и детские коляски вещи вещи много вещей движение застывшие глаза смена токов.

Объявляется всеобщая мобилизация! Все в бомбоубежища. Наконец это случилось – ядерная зима. Все вижу. Все, кто успеет. Просьба рекламы не сдирать. По нужде ходить в неосвещаемую часть тоннеля. Быть на чеку. Государство позаботилось о вас – пища в кассах. Получите карточки у заведующего станцией. Смена цифр на табло. Как на атомной электростанции, в нескольких шагах от реактора.

Расступитесь, расступитесь, дайте пройти пророку светлого трагизма. Дайте мне развернуть свою метафиззарядку. Все на баррикады. Включая сами баррикады.

Выхожу из метро на другую остановку. Такой же перекресток. Дежавю. Жду автобуса.

Частота появления автобуса здесь несколько выше, но все так же бессмысленна.

На улице

Я последний человек, и я останусь человеком до конца.

Э.Ионеско, Носорог.

Временами я очень люблю осмысленно писать бессмыслицу. Это дело кропотливое и невыносимо тяжелое, требующее координации всех своих жалких умственных возможностей. Расчленить текст, не расчленив мысли. Расчленив мысли, не расчленив текста. Аэросны бодрствующего ветерана мысли требуют серьезных поступков на фоне постоянного бессознательного смеха. Три направления поиска: религия ищет Добро, наука – Истину, искусство – Красоту. Никто не ищет человека.

Я сдавал экзамен по английскому языку. Какая лютая зима! И как много народу. Постновогоднее движение. По ходу сочиняю стихотворение:

Когда-нибудь они скажут Когда же он сдохнет И в этот момент я сдохну Как шелудивый пес замерзший в подворотне Как воздушный шарик в руках детей Как электроотключение в прайм-тайм И моя милашка У которой астрономически калорийный жопис И у которой еще год назад при виде меня зашкаливало сиськи Наконец облегченно вздохнет катехизисом своих гениталий Мои родственники выразят горькую озабоченность Что я сдох нищим Мои друзья скажут печальные слова И зажгут сожаление деликатесами А я будучи на том свете Пошлю им всем воздушный поцелуй.

Маркетинговый текст. Рассказал в два счета, отклонялся и вышел. После теплого университетского воздуха – туманная полувечная улица. Начинаю свое путешествие. Первый пункт – книжная лавка в подземке (в паре шагов от платного туалета). Потом Абовяна, 25 – книжный. Потом Абовяна, 30 – букинистический. Еще несколько улиц. Канцтовары – паркерство и прибабасы. Пепсикольные календари с кисками. У ресторана “Україна” понтовитый бабеч лет двадцати. Короткая юбка в такую холодину – у нее там наверно все промерзло. Вечная мерзлота. Приходит домой и отогревается, просунув обогреватель между ног (знакомый кайф). я представил дно этой “украинки” – сморщенный окаменевший замороженный бразильский цыпленок.

Перебираю несколько книг. Стараюсь не смотреть на цены. Проспект Маштоца – библиоглобус. Интерьер в обратной перспективе. Босховский ребенок и Дора Маар покупают школьные принадлежности. У открыток парень с девушкой. Любовное сюсюканье – невыносимое желание прогнать пинками обоих. Объект, наделенный репродуктивной функцией, рассматривает альбомы репродукций. Я вспомнил одну вислозадую с института Брюсова. В нынешних, суперсовременных условиях – “без отопления”, когда унитазы так холодны. Представляю, как она корчится и морщится, когда ее жопись касается сидения ХОЛОДНЕЙШЕГО унитаза. Это что-то сродни тому, как к замерзшему металлу прилипает язык. Раньше я мог найти спасение в советских мультфильмах. Но сейчас по телеку одни диснеевские даунады.

Буратино. “Свободу куклам он принес!”

Муниципальная библиотека им. Аветика Исаакяна. Куда же я сунул листок с перечнем литературы? Мышиная дверь.

В кармане. Четыреста драмов на дорогу и хлеб (~0,7 \$). Рисунок танцующей женщины со скучающим по матери ребенком. Салфетка читательского билета. Вахтерша вся замотанная-перемотанная, дырявая шаль и трухлявое пальто в виде плаща-палатки. Лет шестидесяти, с ней, вахтрисса. У обеих блокадный вид. Комната каталогов и снующие по ней мутные уебыши и чувырлы с покрашенным десктопом.

Копаюсь.

Наклонился к нижней полке – все суставы гулко затрещали. Женщина, наблюдавшая это сочувственно уступила мне свой столик.

Проблемы литературы сша хх в, м, 1970 осн. Тенденции развития совр. лит-ры сша, м, 1973 неомарксизм и проблемы социологии культуры, м, 1980, ю. Н. Давыдов, эстетика нигилизма л. А. Еремеев, французский “новый роман” ю. П. Уваров, совр. фр. Роман (60-80) в. И. Оленева, модернистская новелла сша смирнов б. А. Театр сша хх в. Ф.с. наркирьер, фр. Роман наших дней, м, 1980.

Сбоку вкривь:

Совр. зап. Искусство, м, 1971 совр. бурж. Искусство, кризис бурж. Культуры и музыки т. в. чередниченко, кризис общества – кризис искусства, м, 1985 ю. давыдов д. Житомирский н.шахназарова д. леонтьев р. Беллур, за киностилистику ж. Митри эстетика и психология кино, к. Лиц с. Цорт н. Берг (кинокритика) музы хх в. Художественные проблемы средств массовой коммуникации, м, 1978 г. в. Я. Пропп, проблемы смеха и комизма, м, 1976 методолог. Вопросы изучения заруб. Концепции кино-ства, м, 1977 неоавангардистские течения в заруб. Литературе 1950-60-е социология и современность т.1 и 2 кино и зритель проблемы социологии кино, м, 1978 социологические проблемы худ. Культур, с, 1976 белова л. Сквозь время, 1978 эйзенштейн, т.2. в. Крючкова, социология искусства и модернизм.

Два удобных варианта: “сибиряков, перепутья и тупики буржуазной культуры, м, 1986 71/П-27 давыдов, эстетика нигилизма 87.8/Д 13”.

Выписываю еще пару книг на отдельном листке вместе с уже найденными шифрами. Посмотрите вот это, если нет, то это.

Уходит, потрясывая задницей замысловатой формы, – у нее в жопе точно проседь.

Минута, две, три, 5, 7, 8, где она там!

-Мужчина (мне 23 года), были только эти.

Беру Давыдова и Уварова.

-Я хочу взять сразу на месяц (параллельно читаю еще миллион вещей).
-Придите через две недели и продлите. Вам положено одно продление.
-(Это у тебя в жопе “продление”) Какая разница. Выходит-то, что мне положено на месяц.

-Не спорьте. Придите через две недели, дату возврата я написала на листочке (написала бы лучше на своей корявой венеризмотрехножкостоловой жопе).

Эти люди умудряются испортить испорченное настроение.

Медленные шаги прочь. Столб, еще столб, светофор, пара машин шмыг за угол, пара тел шмыг за машинами, пара глаз шмыг за телами. Афиши, исписанные полуграмотными фэнами. Языки – русский, армянский, английский и еще хер знает какие коряки. Страстнопиздые дурошлепки. Как, вы разве не знакомы с моим “маленьким принцем”? Легкая поступь. Острый раскаленный взгляд. Я хожу и им все раскалываю. Пиу!- ты. Пиу! – теперь ты. Лазерная атака. Пиу, пиу! – по сторонам пиу пиупиупиупиупиупиупиупиупиупиупиупиупиупиупиу апокалипсис пиу! фу! Как она взорвалась – как жирная мясная муха сколько кровищи что испугались Пит иду смотрите хахахахахахахахахахаха. Вот дуршлагбаум дуршлаглестница дуршлагподземныйпереход дуршлагмудакивспортивках дуршлагдвухтелочныймерседес. Летел отлично. Армянские авиалинии, коньяк арарат, московский банк Надежда. пошлите домой деньги! 1700- ление принятия христианства в Армении московские конфеты бизнес - тур по странам Средиземноморья и Карибского бассейна товары оптом и в задницу. На каждом шагу рекламные щиты. А шаги медленные, неторопливые.

Живьем брать демонов!

-Бб-бб-ббббббба-бааббабуубабубабубабубаб Октемберян.

-Что? На дорогу не хватает. (Как она доедет без денег в такую дальножопу)

Передо мной стояла прилично одетая девочка лет двенадцати. Она просила помочь ей доехать до родного города. (Что ж, это можно безболезненно устроить) Но просила спокойно, без малейшей доли смущения, хоть и не совсем разборчиво (профессиональная уловка). Ас. Она меня застала врасплох. Говорю же – ас. Пока я начал вникать в суть дела, она уже уходила с моими ста драмами (мои деньги на обратную дорогу). Прошел шагов двадцать и наконец понял. Стало неприятно. Да за такие деньги она бы...! Мне тогда пришла в голову следующая кинетическая мысль. Я подумал о создании карательных отрядов милосердия, уничтожающих нищих, выброшенных судьбою на улицу, полную дьявольских искушений, поддаваться которым особенно свойственно человеческой природе. Наше общество еще не готово (и вряд ли когда-нибудь созреет до этого), чтобы заниматься благотворительностью анонимно. Все и везде – имидж, пиар. Человек такой же товар (за крайне редким исключением), как деньги (правда, не столь универсальный). Его можно положить под залог, взять в качестве овердрафта или обыкновенного кредита, сделать предметом репо-сделок, передать в траст. Выставить на распродажу, реализовать по эффективной системе скидок, списать за ненадобностью, перечислить на имплицитный счет и т.д. Для человека в полной мере справедливы такие ситуации, как инфляция, гиперинфляция, дефляция, девальвация, дефолт, экспансия, дефицит, дисконтирования и т.п. Сама мораль – это не больше, чем отношение “спрос – предложение”. Живите и приумножайтесь (прибыль и мультипликатор)!

Но после произошло что-то необъяснимое. Несмотря на многочисленные и всесторонние передвижения – город был мертв. Пуст. Бесконечен. Бесцветен. И эта девочка (с которой я премило умозрительно поразвлекался) вдруг разбудила Ничто. Она разбудила меня, меня словно прорвало. Мысли насккивали друг на друга. Я не мог остановиться. Настоящее застучало

во мне. Я вдруг почувствовал в себе огромную силу неудержимую, способную сдвинуть и понести все что угодно. Произошло единение. Я вывернут наизнанку, и все, что находится снаружи – во мне. Я точка, с которой начинается Вселенная. Я бесконечен в своей конечности и конечен в своей бесконечности.

Все это исчезло так же быстро, как и появилось. Тоска заняла свое обычное место – повсеместно. Неожиданное колебание – и все стянулось в обычный узел.

Всплыли слова Достоевского:

“Будь только у меня могущество, мне и не понадобится оно вовсе; уверяю, что сам, по своей воле, займу везде последнее место. Будь я Ротшильд, я бы ходил в стареньком пальто и с зонтиком. Какое мне дело, что я принужден перебегать вприпрыжку по грязи, чтоб меня не раздавили извозчики. Сознание, что это я сам Ротшильд, даже веселило бы меня в ту минуту. Я знаю, что у меня может быть обед, как ни у кого, и первый в свете повар, с меня довольно, что я это знаю. Я съем кусок хлеба и ветчины и буду сыт моим сознанием”.

Полчаса сельдивбочке в транспорте, и вот я уже иду домой. Покупаю лаваш, на одну упаковку меньше (за удовольствие надо платить). Ошибаюсь в таблице умножения. Включаю калорифер. Не работает. Дрогну. Полеты во сне и наяву. Чувствую, что болею. Озноб и дурь. Кутаюсь в одеяло.

Ассорти

*Когда человек открывает лик своего могущества,
его охватывает такой ужас,
что снимая с него покров,
он одновременно от него отворачивается.*

Ж.Лакан, Функция и поле речи и языка в психоанализе.

Драма начинается. Он пишет. Человек – всего лишь человек. Но я все еще помню. Как дважды два. Так ясно, как это только возможно. Я это мог бы сказать хотя бы на тот случай, если кто-нибудь все же спросит: а хорошо ли ты помнишь об этом? Достаточно хорошо? Если спросят при прочих равных условиях. Я знаю, мне все равно не выкрутиться, - я попался. Основательно, как говорится, всеми жабрами, фибрами и черт знает еще чем можно попасться. Иной возразит – у него крыша поехала. Вступят в драку или революционную организацию или запрещенную партию или просто будут биться рожей об стенку. Безобидное кровопролитие. По последним сводкам в потасовках погибло около шести миллиардов людей. Какими фишками играете вы: белыми, желтыми или, может, черными, красными. Одни промолчат и сделают вид, что поняли. Естественно, можно подключиться с середины или конца и довести на холостом. Можно считать, что war is over. Но разве это сделает мир привычнее.

Раз-два. Раз-два. Нет ничего проще, чем сбить с ритма.

Приторно-сладкий гоголь-моголь.

Два в одном. Страховолнение появилось в тот злонамеренный день, когда я узнал, что возможно именно сегодня наступит то, без чего я не представляю драмы. Я допускаю даже то, что я не умею вспоминать. Пресный страх. Стоит ли ворошить прошлое? Что мои двадцать с лишним лет в бесконечном потоке длительности, растворяющей миры. Если честно – мне уже наплевать. I don't care!

Я над всем, что сделано, ставлю "nihil". Мама! У меня пожар сердца. Мне уже некуда деться. Мне, чудотворцу всего, что празднично, самому на праздник выйти не с кем.

Лекция по автоматизации проектирования научно-исследовательских работ. Ко мне подсаживается знакомая. Она стройнейшнл, но интерфейс устаревшая версия... Слушаю лекцию, записываю. Она со скоростью вращения нашей галактики прижимается ко мне. Подача – 1 см/мин. Волнуется, тяжело дышит, громко глотает слюну. Не дает вникнуть. Волнение по закону киберподлости передается мне и в какой-то момент (лишь с огромной натяжкой можно сказать, что я ее хочу) буквально душит. Академик выкладывается – и так и этак: ни в какую. Не влезает. Достала жвачку. Предлагает. Взял – думал, хоть глотать перестану (очень звучно глотаю переполнившую рот слюну), - слюновыделение усилилось. Все выделяется и выделяется. Она что-то спрашивает. Путаюсь, не могу слова сказать, голос пустой, трескучий. Наконец, набрался сил и громко глотнул слюну – ползала обернулось в мою сторону. А она наверно думает, что на 90% меня уже склеила.

Еле дождался окончания банкета.

Бегу в биб-ку. На входе та самая симпатичная, которая не поблагодарила меня за то, что я придержал для нее дверь (сссссссучка!). Организм у нее ничего – хороший. Симпатичный экземпляр. Светлый шелковый окрас волосяного покрова. Завивка (терпеть не могу!). И лицоколь вполне, тонкая работа. И вдруг я вижу ее “окно”. Просвет между ног, прямо под пиздой (четвертое снизу). А сзади еще красивее. Было бы интересно нанимать таких, как она в качестве дверей. Хочешь войти – она отходит, хочешь отойти – она заступает. Но самое интересное – это смотреть в ее “окно”, как в замочную скважину. Это так интересно!

Передумал заходить в бибку: после этой жвачки на голодный желудок началось новое турне моего внутриутробного вокализа. Обычно бывает авангард, но в последнее время он включает в свой репертуар и произведения помелодичнее. Ренессанс? Какой привереда! Вышел на остановку. Внимание! Предикатный парадокс! Прежде чем продолжить, я бы хотел вернуться к тому моменту, когда у меня началось мегаслюновыделение. Начну издаleка.

Из города А в город В выехала семья. Человек а жил в городе А около двенадцати лет (хотя родился в городе В). Для удобства город В, в который мы переселились, я буду называть городом А. В данном случае “город А” имеет смысл “мой город”. Спрашивается: через какое время семья адаптируется?

Пропущу ад моих попыток адаптироваться и перейду сразу к моменту поступления в вуз (втуз). Я стал студентом экономического отделения Инженерного Университета.

То, с чем я столкнулся в университете, меня ужаснуло. Полуграмотные студенты, грязные аудитории, непорядочность и преступность. Пренебрежение ко всем, проявляющим склонность к учебе. поголовное невежество и хамство. Закомплексованность до крайней агрессивности. Паранойя. Гиперинфляция сексуального опыта.

Можно сказать, что страна, в которой я очутился, сдохла. Ни света, ни газа, ни хлеба, ни отопления, ни жизни.

Все это отражается на моей учебе. Я лоботряс. Большого о себе мнения (несколько меньшего, чем сейчас). Считаю, что занимаюсь новаторским искусством: или пишу похабные манифестостиhi или часами копаюсь в гитаре с целью извлечения необычного звука из необычного мотива.

Опуская взлеты и падения моего “самобытного” творчества, перейду к осознанию того, что жизнь – это декодирование жизни. Специальность, выбранная мне моими родителями, переходила в заключительную стадию подавления меня и моего сюрреалистического мира.

Звук радио заглушили мысли и в дверях показался выход. Лицо в дорогих очках окон. Шушуканье через фильтр слуха. Можно выйти подышать свежим сырым воздухом. Но можно не делать этого. Совершая по несколько самопогружений в час. Кто может мне подсказать, как жить, чтобы ощущать жизненное и в себе и вокруг? Укороченный вдвое день и панплебейский образ мышления. Стереотипография. Одинаковые разговоры, анекдоты, молчания. Одинаковый взгляд на одинаковые вещи. Многообразие – табу. Тотем – безличность.

Перевоплощения как образ жизни. Этаблированное инакомыслие. Мимикрия. Со временем вырабатывается рефлекс. Истерические поиски самого себя в постоянно мутирующих образах разворачивающейся действительности.

Может, прислушаться к тому, что говорят по радио. Очень важное. Очень второстепенное. Очень никакое.

Я не верю в очевидное. Это предложение я бы взял в рамку и повесил над дверью.

Разразился стресс – родители уезжали в Москву. Я запомнил этот день в мелочах. Отец – операция – по money – поношенная одежда – комплексация – долги – безработный – работает только мать – СССР распался – ненависть ко всему советскому (читай: русскому) – не принимают за своих – чужие – по-армянски с русским акцентом, по-русски – с армянским – денежная реформа – долгидолги – шоколадные конфеты из Москвы – только бы успеть реализовать.

Каждое утро мама будила меня и просила пойти с отцом – помочь с конфетами. Тогда я впервые понял, что получить высшее образование – этого очень мало, чтобы найти достойную работу. Мы съедали по яйцу и уходили на перехват первых утренних троллейбусов.

Было еще рано, мы выбирали место. Все места были заранее распределены – нас постоянно прогоняли с насиженных мест. Нервничали, конфузились. Хотелось всех взорвать. Мне было 14 лет. Я видел хорошо одетых симпатичных целочек-невредимочек, пропускающих меня глазами, как пропускают стены в художественных галереях. Я был бесцветен и невидим.

Все обмазано клеем. Они пытаются отклеиться друг от друга. Рвется кожа. Истекают кровью. На раны собираются самые мерзкие насекомые на свете. Прилипает пыль. Сиамскоблизнецы толпы. Ибо истинно говорю вам – сдохните! Меня – великого композитора будней – пытаются сравнять с грязью. Приговор обжалованию не подлежит – смерть через презрение.

Иногда подходили приценивались. Отец плохо говорил на армянском, – волновался, путался. Они удивлялись и уходили. Он постоянно снижал цену. Иногда у нас покупали.

Иногда хочется умереть просто так. Ни за что. Сразу. Не раздумывая. Обычно, это чувство появляется внезапно, и внезапно исчезает. Почему так происходит?

Я открываю этот вопрос (в миллиард первый раз), и не закрою никогда. Он открыт для всех желающих. Входи, ходи, трогай все руками, рассматривай, разбивай, распиливай, измельчай. Эта проблема всегда витает в воздухе. Иногда она образует опасные соединения.

Разве можно сказать, что смерть – итог жизни? Думаю, что нет. На фоне нас что-то происходит.

Некоторые обращаются к религии, одной из возможностей усладить человечество без особых на то причин.

Вчера подсчитал свои накопленные богатства. Копилка. Беру только в случае крайней необходимости (только когда от этого зависит моя принадлежность к роду человеческому).

Покопался пальцем и нашел 2 доллара (я перевожу деньги в доллары – так надежней). Что можно купить на два бакса? Хотя я бы мог позвонить ей и договориться о встрече. Пойдем куда-нибудь в филармонию. Набираю номер. Руки дрожат. На том конце провода взяли. Прошу ее. Рада? Холодное “очень”.

Раз сегодня не получилось, позвоню на следующей неделе. Радуюсь, что все так получилось, и не могу понять, какого хрена я тогда звонил.

Подержу в руках и обратно в копилку. Неделя. К тому времени я могу еще больше накопить. Даже пять. Пять баксов! Только бы до этого не истратить.

Выкраиваю деньги из того, что на транспорт. (Булгаковские записки). Поэтому приходится осельдевать в воняющих горелой резиной автобусах. На жестких сидениях. Среди чесночно-алкогольного перегара и заплесневелых старушечьих глаз.

Зайду домой отдохну. Потом к Сэму, заждался небось. Может что посоветует. Включаю Gentle Giant. Такие как она обставляют в два счета. Ежегодные, ежечасные конфликты с местными аборигенами. Добровольное левистроссирование. Как же мне хотелось выбраться из этого дерьма. Спасение в чрезмерном зубоскальстве. Глубочайшая беспросветная жопа. Мой мозг – эстетизм, мое зрение – антиэстетично. Другого языка я не знаю. Все в этом мире разложено по местам, эрогенным.

Об университете мне больше нечего сказать. Бывают толковые преподаватели, бывают толковые студенты, но нет главного – смысла.

Дураки любят дураков. Умные ненавидят умных.

Уморелаксации.

Все из-за неумейной любви к книгам! Переплеты моих любимых книжек. Одни качают мысли, другие накачивают мыслями (хотя не мешало бы подкачаться в физкультурном плане – многим девкам нравятся силачи с орехом вместо мозгов, хотя они любят ушами, представляю, какая гадкая у них любовь).

Хочется зарабатывать на жизнь. Не хочется заниматься ничем, кроме искусства. Но уже время вступать во взрослую жизнь. Родители видят во мне тунеядца.

Что я буду делать, когда закончится и этот коньяк?

На первом курсе мне было не во что одеться. Одна пара джинсов. Цвет – белый. Измаялся – стирал почти каждый день. Архипов. Матери сказать не могу – приходит с работы уставшая, еле хватает сил смотреть телевизор.

Иногда думаешь – плевал я на все! Поесть бы – и хватит. Но как трудно им – моим измученным судьбою родителям.

Мой отец – инженер. Очень образованный человек. Последние шесть-семь лет торгует на какой-то вшивой торговой улочке. Каждый вечер приходит убитый, с красным от мороза (зимой) или

от зноя (летом) лицом. Его копейки идут на питание. Мама – бухгалтер. Вдвоем они держат и себя и нас, меня с братом, наплаву. Брат – математик, программист. Он слишком замкнут. Его я знаю мало.

Были годы, когда мне было совсем плохо. Мне пришлось отказаться от 90% всех моих желаний. “90% всех моих желаний” жила неподалеку от меня. Получилось так, что ее я знал почти с детства. Вначале никакого чувства, даже – никакого намека на чувство.

Потом она росла. Росла и хорошела. Наливалась соками, как румяное молодильное яблочко. Я был на втором курсе. Прозрел. Болею. Хочется, чтобы она возилась со мной, как с грудным ребенком: бегала за мной и насильно предлагала свою еще почти детскую грудь, а я капризничал.

Но я не боюсь сойти с ума. Сумасшедший не может сойти с ума. Они признали меня подверженным аффектам, и еще что-то такое, но – в здравом уме; они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший.

Никогда после я не был так счастлив своим унижительным положением, как тогда, когда я был влюблен. Нет ничего унижительней испытывать на себе попытки понравиться кому-то другому. Человек изменяется, начинает жить только одним, по сути, посторонним человеком. Человек превращается в разновидность товара. Любовь – не что иное, как страдание. Любовь – это начало конца.

Я зашел к ней. Она согласилась меня принять. На аудиенцию было отведено полчаса. Мы поговорили о ее занятиях. Вот она показывает мне свой фотоальбом. В кресле. Лето. На ней красные тапочки. Короткая юбочка. Длинные гладкие голые ноги. Мягко-гусиная кожа. чудно пахнет.

Подхожу к креслу смотрю через плечо как будто фотографии но молочная шея волосы собраны выпил бы всю кровь строит дурочку приближаю голову ближе глаза губы не могу умираю она нервничает еле удерживаюсь сколько дают за изнасилование несовершеннолетней молчу спрашивает отвечая сипло дрожа рукиногиголова трясутся тянутся на худой конец скомкать и сжечь как секретную записку грудь плечи альбом заканчиваются скорее пока еще можно свершить во что бы то ни стало или сказать или не время только бы не прогнала мягкое теплое с зелеными глазами угадайте кто откусил бы ей обе груди бледнота дурнота головокружение улыбается в такую минуту коварная поворачивается лицом сейчас здесь и сейчас подношу руку к животу прости прости прости давайдавайдавай прошу тебя резкий отвратительный взгляд цветок закрылся.

Резкость еще резкость готов провалиться черт возьми я же схожу с ума I’m going slightly mad представляю какого цвета у нее соски как лепестки розы прошу четиеста пятьсот сорок сто пять прощений ведь я люблю не моя вина я человек ничего не могу с собой поделатать эти формы никогда эти формы...

Я ходил за ней в ее универ, караулил. Чуть завидев ее, замирал бешеной собакой перед броском. Искусать каждый сантиметр ее тела. Мясо.

Премьера провалилась.

Сегодня она своим отвращением посвятила меня в рыцари Искусства. Я был великолепен. Грустный Маяковскодостоевскийбодлерованго. Я был рассеян. Присуждается премия “Джексон Поллак Любви”.

Я бы не смог разделить свою биографию на Детство. Отрочество. Юность. Единственно возможный вариант в моем случае – ДетствоI, ДетствоII, ДетствоIII и т.д.

Мне тяжело везде.

Красота должна быть подобна судороге – иначе ей не выжить.

Нет, к этому сну не привыкнуть.

Этого мало. А где же курьез? Рассаживайтесь по местам. Погасите свет. Тапер на сцену. Позовите Шостаковича. Курьез начинается. 5 4 3 2 1.

Ее занятия начинаются в двенадцать ноль-ноль. я был у нее в десять. Дома одна. Расчесывала перед уходом свои золотые волосы. Косметика и водолазка, уничтожающая меня видом укомплектованных под ней грудей. Вежлива мила обольстительна общительна строптива.

Пытаюсь сделать официальное сообщение. Так, репортеры BBC на сцену. Свет на меня. Два диктофона справа. Предлагаю ей руку (о браке, разумеется, нет и речи). Говорю, что люблю сдыхаю давай дружить раз и навсегда ты и я. Смертельно хочу в туалет. Сажу, пару раз неожиданно и сдавленно мяукнул живот. Я говорю, говорю, разговариваю, пытаюсь заглушить. Насторожился, как перед гильотиной. Злюсь. Доканчиваю. Она молчит, глаза опущены, делает i'm sorry. Звонок в дверь. Чувствую – сейчас или никогда. Бегу в туалет. Она вернулась. Звала меня. Я стоял в туалете и молчал, пытаюсь мочиться беззвучно. Придется погазовать – без этого не получается. Вышел красный и сразу ушел.

Затем, почувствовав облегчение, решил немедленно же вернуться. Не могу ей не сказать главного. Удивленный взгляд. -? -Мы не договорили (меня как человека в тот момент все равно уже не существовало). Ищу нужные слова. “Неужели я тебе совсем не нравлюсь?”. “Я люблю другого”.

Если бы меня в тот момент засняли на фото пленку, то смотреть на снимок можно было бы только в негативе. Черное стало белым, белое - черным.

Ноги не идут. Отнимаются. Пью. Думаю, что владею ситуацией. Я изолирован от всех – при моей врожденной чрезмерной коммуникабельности.

Мне бы отдохнуть. Хоть самую малость. Обрести новые силы для борьбы. Но жизнь не дает расслабиться – ни дня передышки.

Встал рано. Измерил лицо. Уменьшилось. Или увеличилось. Остальное по теореме Фалеса. Аналогично – ножка дивана, ручки кресла, фикус, тапочки, ковер, дверь, кухонный кран. Гадкое открытие. Почему это происходит. Все время об этом думаю. Не могу понять. Иногда мне

кажется, что у меня дрожат губы. Так обидно! Как посмотрю в зеркало – слезы водопадом. Особенно когда приходится говорить. Все замечают. Поэтому я пребываю в. Надоело все. Хочется в другую галактику.

Выпил чашечку кофе с молоком. В желудке недоумение: я теперь не бываю голоден или сыт. Моя функция чисто физиологическая: приходится принимать нервные импульсы со всех сторон своего измученного тела.

Придется поспать. Сон помогает забыться. Но это ли мне нужно? Коротко – НЕТ!

Диск циферблата и тиканье. Несколько дурных мыслей. Рука пытается остановить стрелку. Быстро в сторону. Пометил пунктиром. Быстро в сторону. Линейка. Взгляд со стороны, маленький и неприметный. Дрожит. Лампочка. Показания меняются каждую секунду. Сердце стучит – локомотив. Хочу обратно. Извне наизнанку. Холодный пот.

...таж нашего корреспондента из Парижа о проходящей там встрече в...

Сейчас я упускаю из рук последнюю ниточку, уводящую меня от безумия. Эта ниточка, думаю, и есть здравый смысл. Где же ее начало и где же ее конец?

В нити Ариадны меня интересует не нить, а Ариадна.

Обукашвление. Прошу любить и жаловать – Замза.

Стараюсь меньше говорить в присутствии людей, стесняюсь долго смотреть на заинтересовавшие меня вещи.

Я заточен в нелепый сумбур общественной активности. Повинности военные и научные.

Ежедневно - через «не могу». До каких пор! Из-за этого тоже плачу.

Вчера почувствовал в груди что-то теплое сходу не разобрал что к чему может вновь тоска а может запавший в память фрагмент проходящей груди натянутая синяя майка накрыла меня как волна. Подумать только, как я безобиден, – меня может сразить даже трикотаж! Но что я могу сделать. Теперь уже я не знаю, как предотвратить катастрофу.

Я перебрал глазами лица, как перебирают четки. Все взгляды вскользь. Подступают ночи.

Окна гаснут. И я, как ненормальный, тянусь к выключателю, чтобы последовать их примеру, - коллективизм. Стоит мне расслабиться, как он набрасывается на меня. И здесь я связан...

Моя молодость брошена в ров, как букет увядших цветов.

Concerto

*Язык насилия становится единственным,
на котором он может говорить.*

А.И.Титаренко, Антиидеи.

Я в те годы был без ума от шниткевских concerto grosso. Но речь пойдет не о них.

avet terterian (1929-1994) symphony no.6 for a chamber orchestra, chamber choir and 9 phonograms with recordings of a full-size symphony orchestra, choir, harpsichord and ringing bell tones composed in 1981, the symphony is dedicated to irina tigranova it has been premiered in Zagreb with the ensemble of moscow bolshoi theatre soloists feauturing under alexander lazarew since then the symphony has been performed in moscow, warsaw, boston, yerevan, duisburg, yekatirinburg... the symphony requires specific means of lighting and some adaptation for the stage.

Малопримечательный обычный вечер, в который случаются малопримечательные дела

Я всегда относил себя к тем людям, которые висают между прошлым и будущим, не подозревая о настоящем Я всегда только относил Но именно в этот вечер я понял, что для меня не существует ничего, кроме будущего

Futurismman. Типа batman или superman.

Приятный полутеплый февральский вечер у филармонической кассы давка шавки Кафка несколько оттодиковских штрихов возле лестницы и обкатанные листы свежесвыбритых свежесвыщипанных свежескомужлированных эрмидажеотреставрированных откомпилированных лиц.

Смех зажим кубик-рубик

Некоторые занимаются вопросами искусственного интеллекта. Думаю, что настало время взяться за создание искусственного придурка (больше практической ценности).

Почему я подумал об этом сейчас? Комплементарно, Ваксон. Человек, утративший способность питать социальное сознание здравым смыслом своих функциональных клише. Человек-сыр. Столько земноводных силуэтов. О, кого я вижу! Мои малюсенькие усато-волосатые таракашки. Вы тоже, мадам. Такая милая трогательная тараканья пара.

Официальное открытие сезона охоты. Вы уже решили, что будете делать со шкурками? Острейшая конкуренция. Как у вас с вопросом сегментации? 20-25? А доля на рынке?

Входовыход. Программку. Мое место в ярусе.

Лесницы. Места. Даже предвкушение не сбивает подступившей к горлу ужасающей правды пустоты. Рядом ребенок (6-7 лет). Постоянно шатается и бормочет. Какого черта ему здесь нужно.

Началось. Вначале ударный секстет. Хмуро, как кошка. Несколько симпатичных партий и переходов (подземка – метро – журналы – кока-кола). На заметку – Александр Саакян.

Дальше. Антракт. Рокировки. Отправление и возвращение. Перестановки на сцене.

Старперы с претенциозным заплесневелым видом настраивая очки и втирая в них пот со своих пронафталиненных платков. На самых хороших местах. Старый человек – сосуд выдохшейся памяти.

Во втором ряду надо мной ряд людей у которых наверняка дико пахнут ноги держу пари что у этой внизу грязные ногти на руках и ногах может даже у нее шесть пальцев один в пакетике как запасная пуговица тяжелый массивный скелет под стать динозавровому несколько вкраплений разновозрастных пустых множеств.

Бараноид и козломорф – межвидовое общение.

Сенсационный выпуск! Спешите купить!

Гулко. Тишина. Вполуха. Шаги. Вполноги. Вполглаза. И тут хочется встать и сказать что-нибудь ненормальное, все мои ответы лишь дополнения к вопросам, заданным до меня.

А сколько лбов, сколько же здесь лбов! Некоторые даже весьма солидно выглядят с барельефом все в порядке несколько морщин усиливающих напряжение теплые пульсирующие бугры и пара вен поперек насчитать можно много.

Рука тянется к ножу. Дайте мне нож! Ничего не остается, как вспороть. Наставить лоб на лоб целую стену сколько тут будет оттенков можно лепить мозаичные миниатюры, но есть одно обязательное условие, вместо кисти - нож.

Рисовать как художник. Взять в руки ножи разной величины (разумеется, речь идет о режущей кромке или рабочем полотне) от тонкой к толстой еще мастихин топорик красные рубцы потеки и нездоровая синева

Я оторвался от этих страшных мыслей вздрогнул и закусил палец почти до крови это же просто мысленная модель абстракция переложение сегодняшнего текста в виде сплошных комментариев без малейшего намека на само существование текста

Строчки Номер один – ярус Два – амфитеатр Маргиналии – ложи Три – партер Подстрочные примечания – сама сцена Все рассчитано до мелочей

Метафоры изжили себя теперь только дань аналогиям

Знаки альтерации – лотреамон, апполинер. Прекрасное совпадение ритма с замыслом все подчинено воле автора не добавит не уберет внимать вскрывать внимать уберет внимать вскрывать внимать вкрадываться жалкое убранство выйдите вперед те кто еще считает себя человеком

В ней что-то есть. А еще больше нет.

Человеческое обнаруживает себя только в единственном числе.

Передайте меня, пожалуйста, к соли. Передайте меня к той программке на коленях вон у той с черепашым панцирем на ягодицах.

Тут необходимо привести чудесные образчики моих ранних стихов невинных добрых детских захлебывающихся от портативных призывов к действию.

Цит. По истреп. Тетр. С дошкол. Наскал. Изобр.

Бонжур, принцесса

(инфлюэнция в духе джимморисоновских плачей и артурбрауновских гимнов в визуальном ключе джонленноновских рисунков)

Угадайте-ка, кто сбежал из замочления? Дж. Леннон, Происшествие, происшедшее с миссом Дафилд.

Бонжур, принцесса, что за честь Ах, как сегодня вы красивы
Вы ангел Все же вы ленивы И если бы не столь большое в зале слуг количество
Я б трахнул вас не медля о ваше величество!

Но вы бледны Что с вами Иль я задел вас острым словом А может, я задел вас острым слогом
Вы проходили мимо боком Возможно, я зацепил вас членом ненароком.

Что ж, не огорчайтесь Меня не бойтесь, не стесняйтесь и Если вам угодно
Сиськами облайте И вам мгновенно полегчает Я вижу вас уже качает
Мой внешний вид ведь в корне все меняет Когда он вас совокупляет
Легкими стаккато по пламенным диезам ваших недр.

Ах, ваша попка испугалась темноты что же, у всякой темноты
свои внезапные концы. Остерегаться надо вам повсюду:
Еще бы – опекать такое чудо!

Одно лишь напоследок я сказать могу Я вас несколько не люблю. Но может не такое уж и в зале
слуг количество Так может, просто взять вас за соски и вытрахать по-свински все ваше
величество.

Пошлоцендентность.

А подо мной внизу декольтирует белая мякоть (как она плохо вписывается в эту музыку). Золотая
цепочка сверкает на персиковых грудях, свисает ведром в колодце маленький крестик.

Дышите... тааак. Не дышите. Так. Прописывая лечение – залить раскаленный металл в
межгрудевую ложбинку. Новый вид искусства – BETWEENITSMETAL ART. Или даже –
betweentitsmetal rock. Или – heavy betweentits metal. Разве не чудесно?

Концерт завершен. Хлопки. Ползала ушло. Гнилые аплодисменты. Дирижер вежливо улыбается,
мысленно посылая всех подальше. Наша культура. Несколько зеленых студенточек-

консерваторочек-невредимочек встали, чествуя гений композитора. Зевливое bravo контролерш.

Дирижер отходит от пульта как от штанги. Мировой рекорд сорван. Надо было ставить накануне дня святого Валентина, покровителя всех влюбленных. Вы не слышали этой мурсы про то, как он (или она) венчал (или кончал) молодых (или не очень) под страхом (или смехом) смерти (или жизни). Влюбленные ему очень благодарны. Два дня назад город в одних открытках, сердечки-валентинки. Молодожопы стадами. Коэффициент трезвости – 4 селина.

Выходим в холл – она. Пришла на такой концерт. Как это символично – сойтись после такого шедевра. Я несколько раз до этого подходил к ней, звонил ей, даже приглашал сходить в кино и т.п. Зеленоглазая, сверкающая улыбка. Непринужденное личико.

Мое сознание вывело ее на новый уровень межличностных отношений. Она в ловушке. На поводу моего сознания. Оно может увести нас намного дальше, чем это возможно вообразить. Я чувствую, как отплываю. Мы оба на шатком плоту моего сознания. Если я почувствую, что нас обоих сознание не выдерживает, я без малейшей тени сожаления спихну ее в безбрежные воды океана. Или поберегу на питание (я без пропитания не могу). А может, просто покусая и выкину. Это как получится. Настроение у меня амплитудистое.

Спросил о том, о сем. У нее все О.К. Про остальное смолчала. Я тоже смолчал. 1:1. Напросился к ней в мастерскую (она “художница”). Она согласилась. 2:1 в ее пользу. Тайм-аут. Небольшая пауза. Неловкость. Прощаюсь. Договариваюсь о реванше. Ей не понравился концерт (перехожу на язык теста – 2 балла). Ей не понравилась the музыка (0 баллов). Но у нее добротная грудь (6 баллов). И глаза (9 баллов). И улыбка (5 баллов). Стройные ножки (7 баллов). Узкие кисти рук (4 балла).

Пока я ее раскладывал на спектр, дошел до дома. Разделся и поел. Плотно и грузно. Концерт музыка телка музыка все лезут лезут прямо в душу. Глаза слипаются.

Яма

*Теперь я легок, теперь я летаю,
теперь я вижу себя под собой
теперь Бог танцует во мне.*

Ф. Ницше, Так говорил Заратустра.

Перед тем, как перейти к последней главе моих записок, я бы хотел почитать кое-что с листа. Not line. Из моего блокнота, дымящегося от впечатлений сегодняшнего дня. Мое пребывание в этом древнем городе за последние 48 часов навело меня на следующие сюрмысли и сюрнаблюдения.

Интеллектуальность можно помножить на что угодно, кроме рассудительности. Заломила сиськи кверху, как ружье на охоте. Авангардизм – это судьба. Натолкал бы ее до глюков. В наше время легче поверить в необходимость расчета потребительской корзины, чем в Бога. Почему на жен не выдают гарантийные талоны. Это произведение вполне могло быть замыслено, как пролегомены к книге “Язык тела. Опыт стран третьего мира”. Я часто употребляю нецензурные слова (я не признаю цензуры). Согласитесь, что было бы некрасиво, если бы я заменял незаменимые в данном контексте слова на, скажем, “йух”, “адзуп”, “апож” и т.д. Я аллюзииллиузионист и архитипизатор.

Эковский “Маятник Фуко” остановился.

Я подошел к университетскому двору. Каникулы закончились. Все начинается по новой. Лица, лица, лица, лица, лекции, лекции, лекции, экзамены и лифты, курсовые и объявления, лестницы, зеркала, лабораторные, коридоры, коридоры, коридоры.

В первый день никогда не бывает занятий. Люди приходят, чтобы увидеться. Или не видеться.

Звуки и лица. Шумы меняются как слайды. Фрейм за фреймом. Я говорил с ней и думал о ее жопе. Мое сознание срабатывало автоматически. Я задавал некоторые параметры, и через какое-то мгновение оно выдавало готовый разговор. Разговор под ключ. Примечательно то, что параметры Я задавал чисто физические, более того - физиологические, а дискурс был размеренным, продуманным, сверенным, осторожным, интеллектуальным и даже остроумным. В этих беседах я, как правило, не участвовал. Я только и думал - "какааааааа жоооооооопа". И если бы это затянулось еще ненадолго, то я бы точно не выдержал и сказал -стоп, что я тут с тобой базарю часами, мне нужна только твоя жопа, так что помолчи и дай мне сделать то, что я умею делать лучше всех... Но я продолжаю непринужденный разговор... и размышляю, как же ей побыстрее засадить...

Мыслю – следовательно противопоставляю.

Какая же логика в том, что она есть?

Существует ли логика алогичности?

В который раз удивляюсь, как до сих пор люди не перебили друг друга. Что сдерживает электрон от столкновения с ядром?

Ничто не угрожает миру так, как Красота.

Все люди на большой планете Должны ля-ля-ля-ля Должны всегда смеяться дети И ля-ля-ля-ля-ля Должны смеяться дети Должны смеяться дети Должны смеяться дети И ля-ля-ля-ля-ля.

Несколько кругов по периметру университетского двора. Я самоманьяк. Поэтому я боюсь находиться наедине с самим собой. Даже в присутствии людей. Особенно в их присутствии.

Но у меня было счастливое детство. Тогда у меня перед всеми был самый большой козырь. Мне казалось, что, если я умру, все будут плакать, убиваться, мучаться, рассказывать друг другу о том, каким хорошим мальчиком я был, а я уже мертвый, и ничего не изменить. И через несколько часов со мной исчезнет весь мир. Потому что здесь все держится на мне. Я связывающее звено. Я доброта. Я смысл. Я альфа и омега.

Мою тогдашнюю игру признали жульнической и вытолкали в шею. Я до сих пор не могу понять, где я. Изгнание из рая – это изгнание из детства.

Студенческий поток скудно побрызгивал из дверей. Большинство торчало во дворе. Я тоже там стоял, наверно, ждал чего-то. “Ждать”. Безобидный глагол. Вот уж и в самом деле неопределенная форма. Этот глагол сопровождает меня повсюду. С момента просыпания и до момента засыпания. Вы не ошиблись, меня зовут Эстрагон. Сон тоже одна из разновидностей ожидания. Глагол стал системой поведения.

Представляется прекрасная возможность упустить случай. Посторонние, боритесь за свои права входить только с парадного входа. В дверь можно не только выйти, но и улыбнуться.

Игра в сисер.

Сейчас происходит стандартная процедура. Неприятно, что я поймал себя на этом. Кройка и шитье, перелицовка лиц.

I’m a spy. Каждую минуту я на грани провала. Мои радиogramмы никто не принимает. Мне некуда вернуться и незачем оставаться. Я просто хожу, высматриваю. Это борьба одиночки. Стараюсь свести вербальные акты к минимуму.

Первый попавшийся автобус. Куда-то еду.

Напротив очень серьезное девичье лицо. Но характерное. Длинный с горбинкой носик, большие синие глаза, пухлые губы, плоская грудь, цепкие руки: красота горных селений.

Долго и пристально смотрю ей в глаза (“включаю ее”). Зарделась, глаза заслезились, часто поправляет волосы, из каких-то скрытых внутренних резервов раздула грудь. Как бы невзначай строго определенный взгляд. Мои приборы зафиксировали осмысленный сигнал – мы не одиноки во вселенной! Длительность трансляции, частота, интенсивность, телесный угол – все

говорит о том, что она попалась. Насосусь энергии. Она так заволновалась, что я почувствовал, как между ее сосками пробежал ядерный разряд.

Я ее трансформировал (мой художественный опыт еще не на то способен). Логично предположить, что теперь я могу с ней сделать все что пожелаю.

Окаменела. Эффект Медузы Горгоны.

В первую очередь я покатался бы на ней. Как в “Вие”. Ска-кал ска-кал ска-кал ска- кал. Загнал бы. Чтобы взмыленная, с пеной на губах.

Она вся дрожит и смеется в холодной воде.

“Что это?” думал философ, глядя вниз, несясь во всю прыть. Пот катился с него градом. Он чувствовал бесовски-сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, как будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, он начал припоминать все, какие только знал, молитвы. Он перебирал все заклатья против духов и вдруг почувствовал какое-то освежение; чувствовал, что шаг его начинал становиться ленивее, ведьма как-то слабее держалась на спине его. Густая трава касалась его, и уже он не видел в ней ничего необыкновенного. Светлый серп светился на небе.

“Хорошо же!” подумал про себя философ и начал почти вслух произносить заклатья. Наконец, с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил в свою очередь к ней на спину. Старуха мелким дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой. Земля чуть мелькала под ним. Все было ясно при месячном, хотя и неполном свете. Долины были гладки, но все от быстроты мелькало неясно и сбивчиво в его глазах. Он схватил лежащее на дороге полено и начал им со всех сил колотить старуху. Дикие вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потом становились слабее, приятнее, чище, и потом уже тихо, и заронились мне в душу; и невольно мелькнула в голове мысль: точно ли это старуха? “Ох, не могу больше!” произнесла она в изнеможении, и упала на землю. Он стал на ноги и посмотрел ей в очи. Перед ним лежала красавица с растрепанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами. Бесчувственно отбросила она на обе стороны белые нагие руки и стонала, возведя кверху очи, полные слез. Затрепетал: жалость и какое-то странное волнение и робость, невольные ему самому овладели им: он пустился бежать во весь дух. Дорогой билось беспокойно его сердце, и никак не мог он истолковать себе, что за странное, новое чувство им овладело.

Второе – пусть сделает мне [сонэт] (чтобы не писать слово минет).

Перейду к третьему. Конечно, она ведьма (см. пункт1).

Хорошо живет на свете Винни-пух! Оттого поет он эти песни вслух! И не важно, чем он занят, Если он худеть не станет, А ведь он худеть не станет. Нет!

Пум-пурум-пурум-пурум-пурум-пум-пум.

Так вот насчет ведьмы.

Да ты ведьма! Ты мерзкая ведьма. Я тебя сразу раскусил. Не ожидала? Вот выходит одна, заходит другая. Произведена замена: вместо пятого номера на поле выходит молодая талантливая ведьма. Видите. А ты наверно черт знает, что подумала. Разопревшая от жары кожа открытых мест. Дряблинг.

Студенточки. Официальная формула поиска: сильный и богатый. Сложный спектр. Все дело в интервале между этими двумя характеристиками. В их корреляции. Но когда возникает интервал... Тот самый пресловутый интервал, ставший для них проблемами Гильберта.

Некоторые из них – замечаю, конечно, - стоят на пороге грандиозного открытия или просто сидят, полусогнувшись, в тесноте маршрутных такси и ритмично покачиваются, делая наезд на рытвины фрикцией.

Ровно три. Скоро доедем. Спокойны. Где же ваша хваленая женственность! где прекрасное! где красота! Я стал отвыкать от примитивной эстетики.

Фигуры на ощупь – плавленые сырки. Жиры, углеводы и т.д.

Вот передо мной женщина-ноль.

Да, ваша честь. Пойманы.

У вас ус отклеился.

Сейчас она едет спокойная, довольная. Ни худая, ни толстая. Такая способна привлекать. У нее есть интересы, вкусы, гордость. А пожила бы она недельку у меня в концлагере, на нее невозможно было бы смотреть.

Эта идея неслучайна. У меня есть свой априорный концлагерь. В виде ямы. Туда я помещаю людей. Многих людей. Наблюдаю за ними. Ставлю всевозможные моральные эксперименты. Есть совершившие тяжкие преступления. Есть даже невинные (за ними еще интересней наблюдать). Сужу я. Высшая инстанция. Более трех четвертей всех моих знакомых заняли там свои “достойные” места. Стараюсь поддерживать разнообразие: публика самая различная. Целый спектр подлости.

Иногда я встречаю этих людей апостериори. Они говорят со мной по-разному. Говорят, но даже и не подозревают, что, может быть, за день до этого целовали мне ноги или, чуть завидев меня, мочились под себя и коченели на морозе, который я регулировал, потягивая тысячетный коньяк, из теплого кабинета с мягким кожаным креслом и горящим камином, склонившись над гиперинтересной книгой или наблюдая очередную серию репортажей из горячих точек по всей планете. В моем лагере у них нет имени. Я различаю их по клейму номерков. Создается премилая ситуация: мне что-то пытаются втолковать, кичатся передо мной своими блеклыми заслугами, отклоняют мою любовь. Но я могу в этот же вечер “под одеялом” вынести им апокалиптический и ласковый приговор (ведь передо мной никто иной, как НОМЕР). Могу, но не стану. Наказываю я их нечасто – ведь всех их я по-своему люблю. Они дороги мне.

Дождь почти закончился уже местами виднеется солнце. Разрядки не последовало.

Улицы приходят в движение; они как кроты. Дождь мочит одежду, она тяжелеет и разбухает. Закрытые глаза, немного тишины, - кажется, что одежда тяжелеет от кровотечения. Кап-крп-тап-кап организм слабеет и исчезают последние силы.

Я так и не выделил ни одного цельного желания из всей этой каши внутри.

Можно ли подозревать природу в суррогатном материнстве?

Теперь уже все равно, куда идти. Все пути похожи друг на друга. Боги спят. Путь домой заставляет оставить за спиной миллионы других путей.

Я говорю “да!” и откладываю эти вопросы в долгий ящик, набитый до отказа бесполезными ответами.

Улицы влажные посвежевшие отмытые. К этому времени года не имеет смысла готовиться. Это время года растягивается на всю жизнь. Клетки, клетки. От индивидуальных к социальным, от партикулярных к государственным.

Пустые улицы. Электроглазые барханы. Я в полудреме. Может, в этом и состоит вся трагическая трагедия всех трагедий – трагедия человека со злым умом и добрым сердцем.

Finn, again! Take. Bussoftlhee, mememormee! Till thousandsthee. Lps. The key to. Given! A way a lone a last aloved a long the

Эмиль Петросян,
Лета 1999 - 2001,
Ереван.

Эмиль Петросян, ремейк,
2017,
Москва.